

ЛЕОНИДА
ПОДВОЙСКАЯ

АЛЕНА

ПРЕДТЕЧИ ЗВЕРЯ

Аннотация

Если фее обломать крылья — она станет ведьмой. Даже если она была доброй феей.

Так ломают крылья Алёне — девушке из глубинки, а ее паранормальные способности пытаются использовать в своих целях негодяи разных калибров и континентов.

Но критическая масса жестокости и подлости порождает еще одну способность девушки — убивать. И Алёна обращается в Немезиду — грозную и беспощадную богиню возмездия. В абсолютное оружие. Но управляемое ли? И навсегда ли?

События второй книги цикла «Предтечи Зверя» происходят всё в том же мире, по утверждению автора, очень похожем на наш.

Роман написан в характерном для автора смешении нескольких стилей, и читается на одном дыхании любителями фантастики, фэнтези, экшн, детектива и даже любовного романа.

Леонида Подвойская

Алёна

От автора

Уважаемый читатель!

Вторая книга цикла «Предтечи Зверя» как продолжение «Максима» писалась «в стол». Она не должна была дойти до вас. И не дошла бы, если бы не странные стечения обстоятельств и настоятельная просьба друзей Максима. В принципе вся эта книга — их призыв о помощи.

А началось все через некоторое время после издания «Максима». В тот летний день я отдыхала на даче у друзей. Те укатили в круиз по Европе, оставив свое хозяйство на меня. И вот я, заглушив, наконец, газонокосилку, блаженствовала на качелях с подаренной Ивановым-Смоленским книжкой на коленях. Но все хорошее заканчивается быстро — визг тормозов, а затем громкий стук в калитку выхватили меня из мира фантастики. Чертыхнувшись, я пошла открывать неожиданному гостю. С этого все и началось. За калиткой стояла, нетерпеливо стуча, Елена Петровна, та самая тележурналистка, выведенная в первом романе как Синичка.

— Ну чего уставилась? Открывай. Да не калитку, ворота открывай! — потребовала она.

Затем журналистка поставила впритык к моему «сценику» свою «аудиуху».

— Вот теперь давай знакомиться. Заочно-то мы знакомы. Ославила. «Синичка»! Надо же было додуматься!

— Но я сразу написала, что все персонажи...

— Конечно, конечно. «Вымышлены, а совпадения — случайны». Ладно. Проехали. Не для этого сюда примчалась. Максим пропал.

— Но я, честное слово...

— Перестань, сейчас не до шуток. Думаю, он в опасности.

— Насколько я знаю Максима, для него «больших опасностей» не существует.

— Знаешь, все знаешь. И в конце книги намекнула... Ну?

— Это про... Тьму?

— Безусловно. И хотя «нэ так всё було», как заявил тебе какой-то безымянный дядька в предисловии, во многом твои догадки близки к истине. И если уже вляпалась в наши дела, то... Вот, принимай.

Синичка открыла заднюю дверь своего авто и вытащила за руку неподвижно сидевшую в салоне девушку.

— Может, она знает подсказку. Твоя задача — заставить вспомнить.

Я присмотрелась к молчаливой гостье. Девушка как девушка. Стройенькая, симпатичная, хотя все девушки в юности симпатяшки. Пухленькая верхняя губка создает видимость постоянной улыбки, и хочется

улыбнуться в ответ. А вот глаза — нежно-васильковые, но какие-то застывшие сейчас. И вообще лицо — застывшее. Простенькие джинсики и кроссовки. Маечка-безрукавка. Но это зря, потому что на правом запястье — ужасный шрам от ожога, словно кто-то засунул эту ручку в раскаленную спираль. И еще — большая прядь седых волос в русой челке.

— Под Седую? Ну это уж слишком круто.

— Она Седая и есть.

— Да что вы! — изумилась я. Дело в том, что я тоже читаю «Комсомолку» и, хотя многое принимаю настороженно, журналистское расследование причин гибели бандитских авторитетов в «Октябрьской» и одновременной (в смысле за одну ночь) смерти нескольких маньяков, грабителей и хулиганья меня задело за живое. Да и не только меня — помните, как пошла у девчат мода выбеливать прядку волос под Седую — так и не найденного ангела-мстителя. — И вот эта птаха — та самая Седая? И она как-то связана с Максимом?

— И не сомневайся. Просто сейчас она в глубоком ступоре. И память у нее вроде как отшибло. Твоя задача — разговорить, — усаживала журналистка девушку в качели. — Чего-нибудь приготовь типа картошки в мундирах... Дай ей почитать свою книгу. В баньке попарь. Неплохо, кстати, живешь для начинающего писателя.

— Это друзей...

— Мне это неинтересно. Ищи способы воздействия, инженер человеческих душ! Все. Бывай.

Некогда. Надо проверить и другие версии. Делай, что хочешь, но чтобы через неделю эта подружка все рассказала.

— А ведь вы ее... недолюбливаете.

— Если она что-то сотворила с Максимом...

— Она? С Максимом? — с опаской покосилась я на безучастную девушку.

— Скорее всего, да. Но ты не бойся — у нее, видимо, все могущество на Максима ушло. Хотя, кто знает... Бывай. Скоро загляну.

— Кстати, а как вы меня нашли?

— Недооцениваешь ты нашего брата-журналиста. Я вот эту... считай, из-под земли достала, а тебя вычислить — вообще не проблема.

Мне удалось разговорить девушку и пробудить ее память. Как — отдельная история. Она прочитала «Максима» и ответила вначале мне, а затем — приехавшей Синичке на все вопросы. Но подсказки о дальнейшей судьбе Максима мы так и не нашли. И с разрешения Синички, забравшей через неделю Алёну, я решила опубликовать эту книгу. Все совпадения фамилий, имен, должностей — всего лишь совпадения. Может, кто более проницательный найдет направление дальнейшего поиска?

Глава 1

— Я же тебе сказал. Русским языком сказал, да? Я же тебе поручил! И что слышу? —

удивленная морда с вытаращенными глазами подалась через стол вперед, словно прислушиваясь. — А я слышу... Да ничего я не слышу!

Рвякнув и грязно выругавшись, босс огромной ручищей хватанул компьютерное кресло и запустил в собеседника.

— Вот так! — вновь перешел он на вкрадчивый тон, но уже обращаясь ко второму, стоящему навытяжку собеседнику.

Первый лежал на полу, то ли оглушенный, то ли притворившийся таковым.

— Может, и ты мне скажешь, что хана, пора о вечном думать? Ну так я вас всех вперед себя пущу! Ну!

— Есть, шеф, один... чудотворец, — начал второй.

— Уже теплее, — откинулся назад шеф, рассматривая подчиненного. Битый. Крутой, а здесь — навытяжку. Да-а, скольких я сломал в этом кабинете... Да и не только в этом. И эта... зараза меня не возьмет!

— Смелее. Садись. И усади этого недоноска.

Битый поднял и кинул в кресло напротив стола «недоноска» — очень похожего на самого шефа мужика, только помельче и не так грубо сколоченного. Сейчас было видно, что он не притворялся: в области левого виска разливался здоровенный синяк.

— Живой он хоть? — поинтересовался шеф и на утвердительный кивок Битого нажал кнопку на пульте.

— Откачать — и опять ко мне сюда, — бросил он двум появившимся охранникам. — А ты давай, про этого святого.

— Он... шеф... не совсем святой. Он чудотворец, шеф, — испуганно поправил его Битый.

— Какая разница! К делу давай!

— Да, конечно. И эти чудеса, за которые его так называли, именно эти самые... исцеления и есть.

— И такие вот хвори?

— Говорят, и такие.

— И в такой стадии?

— Говорят, и в такой.

— Говорят, говорят... — опять начал яриться шеф. — Ты что мне лапшу... Я тебе за что плачу? Разговорчики слушать? Базарчики? — он потянулся своей лапищей через стол, норовя сгрести Битого за ворот рубахи.

— Но шеф! — вскочил и отпрыгнул в сторону Битый.

Это была неслыханная наглость — уворачиваться от шефа. И от предметов, запускаемых шефом, — тоже.

— Да ты что? — взревел тот, вставая. Стало видно, насколько велик его рост. Говорят, раньше,

то есть намного раньше, он даже занимался баскетболом. — Ты... Ты... — остановился, не находя слов, хозяин кабинета.

— Ради тебя, шеф! — жался в дальнем углу подчиненный. — Убьешь — не узнаешь. Не просто говорят! Говорят те, кого он излечил!

— Это другое дело, — плюхнулся назад в кресло шеф. — Ладно... живи. Коротко. Ясно. Быстро. Ну?

— Опросили троих. На серьезе. Не туфта. Сейчас здоровы. А по историям болезней — были... ну, в общем, уже.

— Кто с историями?

— Сам смотрел.

— Знаток, твою!

— Вот фотокопии. Тоже сам сделал.

— Ладно. Вижу, подсуетился. Ну? В чем фишка? Почему он еще не здесь? Почему я его не вижу? И он меня? — вновь вкрадчиво поинтересовался шеф.

— Есть, есть фишка, — затараторил Битый. — Типа только там какая-то целебная вода есть...

— Так набери цистерну и сюда, с этим...

— Она в течение четверти часа действует. А надо несколько сеансов.

— Да, даже на ракете... И что еще?

— Ну... не всех он лечит.

— Это не про меня.

— Помните Жанночку? Отказал. Этому... силовику... не к ночи будет помянут, тоже отказал.

— Ему то за что?

— Не знаю. Он же не рассказал. Как бы не успел.

— Если он мне попробует отказать, если только заикнется, то уже сам не успеет объяснить, почему. Едем!

— Шеф, это... э-э-э... за Уралом!

— Тогда летим! Немедленно! С собой группу. Побазарим, если пойдет в отказ. А ты, — обратился он к вошедшей жертве кресла, — молись, чтобы я вернулся в хорошем настроении. Пока остаешься за Битого...

— Вот так, вот так и вот так. А теперь беги. Ну не бойся, уже не больно! — девушка отпустила белку и та рыжей струйкой брызнула по стволу дерева. А целительница, проводив ее рассеянным взглядом, перевела свои васильковые глаза на небо, на высокие облака, а затем откинулась на мягкую траву и, улыбаясь, задремала. Но очень скоро она резко вскочила на ноги и опять долгим взглядом уставилась в небо, — туда, где, озабоченно гудя, нарезал инверсионный след самолет. Что-то напоминал этот гул, чем-то тревожил. Но что? Но чем? Она не смогла вспомнить и тихонько заплакала. Гулявший на полянке ветерок, казалось,

сочувствовал ей и ласково поглаживал челочку со странной седой прядкой.

— Почему? Почему? Почему? Почему? — повторяла она без остановки.

Выбившись из сил, девушка вновь легла на траву и теперь уже спокойно стала рассматривать теряющий резкость след самолета. Солнце начало цепляться за верхушки деревьев, и на поляну выползли тени, когда она всхлипнув, поднялась, взяла корзинку с какими-то травами и пошла по едва приметной тропинке. Через хороших полчаса тропинка превратилась в довольно утопанную дорожку, и незнакомка надела на свою русую голову серый капюшон монашеской рясы. Она прибавила шаг — надо было торопиться.

Из скита отшельника раздавался неразборчивый разговор. Сегодня с утра к нему приехал какой-то важный монах. И не только он. Вон там, у пещеры, уже толкуются какие-то люди. Много их стало в последнее время. А ведь зимой было так тихо и спокойно! Зимой? Девушка остановилась, пытаясь поймать мелькнувшую мысль. Зима. Не здесь зима. Какие-то санки, горка, лошадь выдыхает пар... Горячая печь... Киса Анфиса... При этом воспоминании она улыбнулась и пошла дальше — в свою маленькую пещерку. Откинула капюшон, развесила сушиться травы, села на койку. Опять задумалась, наморщив

светлый юный лобик. Скоро взойдет луна. И опять придут люди. И они с отцом Георгием снова будут лечить их. Почему они все время болеют?

В это время отшельник Георгий, закончив беседу, предложил гостю пойти с ним. Проходя мимо девичьей обители, он ласково позвал:

— Дитя мое, пора.

Девушка, вздохнув, оторвалась от своих обрывочных мыслей и, вновь накинув капюшон, закуталась в темный плащ и вышла.

У пещеры их уже ждали. Человек пятнадцать с детьми на руках, с подростками, со скрюченными или искалеченными родственниками.

— Сегодня вы, вы, вы... и вы. Как договаривались, — обратился к ним отшельник.

— А... святой отец, а мы?

— Ночь коротка, а случаи тяжелые. Долгой молитвы требуют.

— Но мы приехали аж...

— Все здесь не местные. Вот они, — кивнул Георгий на отобранных, — уже ждут неделю, подождете и вы.

— Но вы не отказываете?

— Я никому не отказываю. Езжайте, устраивайтесь и молитесь, чтобы вам не отказал Господь в милости своей.

— Святой отец, но мой ребенок... Я боюсь, что...

— Оставайтесь. И заходите уже. Прямо сейчас. Остальные можете подождать вон на той полянке. Там и скамьи, и костер скоро разведут. А лучше — вон, в часовенке молитесь.

— Дитя мое, сегодня с нами побудет отец Арсений. Он приехал издалека подивиться чудесам, которые Господь являет в этой пещере, — сказал отец Георгий, обращаясь уже к девушке.

Фигура в капюшоне молча поклонилась.

— Теперь пора. Что у него, сестра моя? — обратился отшельник к матери ребенка лет восьми, лежащего на сколоченной деревянной кровати.

— Врачи говорят... врачи говорят... — разрыдалась мать, из суеверного страха не решаясь назвать болезнь ее именем.

— Хорошо, сестра моя. Не надо. Становись вот здесь на колени и молись! Умеешь хоть?

— Выучила. Специально выучила.

— Это похвально. Только молись с душой и Бог услышит.

Отшельник подошел к кровати, наклонился к ребенку. Подозвав закутанную в плащ девушку, покропил ребенка водой из какого-то странного сосуда, затем воздел над ним руки, а ассистентка прикоснулась своими ладошками к широким кистям отшельника. Вскоре над ребенком появилось сияние, лучи которого исходили от рук целителя. Закрыв глаза, он молился. Видимо,

молилась и закутанная фигура — был слышен тоненький шепот. Сияние разгоралось все ярче, молитвы становились все истовее. Мать больного ребенка прервала молитву и со страхом посмотрела на эту странную пару. И в этот же момент ассистентка начала медленно оседать. Погасли и удивительные лучи.

— Ты зря прервала молитву, — сурово обратился отшельник к все еще стоявшей на коленях женщине. — Но Господь милостив. Твоему сыну теперь ничего не грозит, завтра он будет совершенно здоровеньким. Бога благодари, не меня! — оторвал он руку от губ разрыдавшейся женщины. — Иди с миром! А следующий пусть заходит через четверть часа.

Когда женщина унесла ребенка, брат Георгий отвел полубесчувственную девушку к стене пещеры, уложил на низенькую кровать и завозился с чем-то в темноте. Затем скрипнули петли, и откуда-то сверху полился лунный свет.

— Ну вот, видел? — обратился отшельник к отцу Арсению. Но тот молчал, разглядывая открывшееся личико.

— Совсем молодая, — закончил он свои наблюдения. — И ты уверен, что этот ребенок...

— Да, она его исцелит. Можно было бы и сегодня. Она сейчас придет в себя. Но... не будет... той... торжественности.

И действительно, очень скоро целительница пришла в себя. Арсений увидел вдруг, как холодным голубым льдом блеснули ее глаза, и почему-то вздрогнул. Но лед сразу растаял. А может, он вообще почудился священнику.

— Ой, вы извините, что я... Но у меня всегда так, когда им больно. И когда надо все делать быстро. Но я сейчас, я уже... — она, все еще пошатываясь, села и повернула к лунному свету лицо с широко раскрытыми глазами.

А затем... Затем все повторилось. И еще раз. И еще. И еще. Когда же в пещеру начала пробиваться предрассветная прохлада, Георгий и его ассистентка уже закончили удивительное исцеление ожогов обварившейся кипятком женщины.

— Иди и молись Господу нашему! — устало напутствовал чудотворец последнюю на сегодня исцеленную.

— Все на сегодня, братья и сестры! — зашел в часовню отшельник. — С остальными, как условились и как Бог даст.

Исцеленные не спешили ночью пробираться через лес — были тут же, молились. И ожидавшие своего часа больные, видевшие их преображение, встретили слова Григория почтительным молчанием.

После ухода паломников, отшельник отнес

спящую девушку в ее обитель, затем вместе с отцом Арсением пристроился на длинной скамейке у догорающего костра.

— Ты все видел, — начал он.

— Да, все видел и понял, — жестко ответил священник. — Эти фокусы с рукавами...

— Я ничего перед тобой и не собирался скрывать. Конечно, это она, бедное дитя. И эта сила, и это сияние, и эти исцеления — все от нее.

— Тогда зачем же?!!

— Во славу Господа нашего и Церкви нашей. Ибо чудеса сии узрев, укрепятся их видевшие в вере...

— Не надо, брат. Ты скажи лучше, откуда она такая и не дьявольское ли это искушение?

— Откуда — не знаю. Зимой это было. Если помнишь, лютые морозы стояли в январе. А у меня, как на грех, зуб прихватило. Стою здесь, молитву отправляю. Не отпускает. Вдруг чувствую — коснулся меня кто-то. Смотрю — дева молодая, обнаженная. Да что там — голая совсем. Хотел было вскочить, искушение крестным знаменем отогнать. Только чувствую — боли зубной уж и нет. А она так по-доброму: «Все-все-все, уже не болит и болеть не будет». Ну, встал я, накинул на нее от искушения дьявольского одежду кое-какую.

— Кто такова, — говорю, — откуда и куда путь держишь?

— Не знаю, — говорит. — Не помню.

Отвел я ее к себе в пещеру. Поесть дал. Чуть поклевала. Потом прямо за столом и уснула. Уложил ее на свою кровать, сам в часовне ночь в молитве коротал. Потом как-то попробовал языком дупло в зубе — а его то нет! Задумался я крепко, потом решил проверить, она это или святость места, или икона чудотворная появилась. Не знаю, ведомо тебе или нет, чем я, грешный, в миру занимался? Но остался у меня плохо сросшийся перелом. И охромел я, и на холод боль приходила мучительная.

— Да, знаю, но теперь ты не хромаешь.

— Она, птаха Божья. За одну ночь. Она всегда ночью. Сначала руки начинают светиться, потом, когда очень трудно, вся светится. Когда силенки кончаются, идет к лунному свету. Наберется от него сил — и опять.

— Ох, чую, не от Бога это, — вздохнул Арсений. — И свет этот лунный...

— Она и от солнечного, — поторопился развеять его сомнения отшельник. — Встанет и смотрит открытыми глазами, не отрываясь. Посты держит. Даже Великий. Ну вот, — продолжил он свой рассказ. — Потом богомолка пришла. Откуда-то издали. Вымаливала здоровья своему сыну. У того — падучая страшная. При мне и забился. Я к нему. И она к нему. В общем, изгнала

из него всех бесов. Или усмирила — не знаю... Но так, аккуратно, по-доброму, без всех этих...

— Брат Георгий, не увлекайся. Излечила эпилептика — да и весь сказ.

— Если «весь сказ», отец Арсений, — обиделся отшельник, — то излечила она с того времени не меньше сотни и больных, и искалеченных. И среди них — знаешь кого?

— Знаю. Ты мне прямо скажи, — весь этот балаган непотребный для чего развел? Зачем себе чудеса исцеления присвоил?

— Она исцеляет тела, я — души. После чудес, здесь явленных, паства укрепляется в вере.

— Некрепка вера, если ее чудесами укреплять надобно. Но не об этом. Деньги почто собираешь?

— Деньги? Я? Деньги?

— Потому и прислан. На станции большой стеклянный ящик стоит. Пожертвования на постройку здесь храма Господня собирают. И такой разговор идет — тебе здесь платить — грех. А вот обязан каждый, к тебе попасть желающий, по приезду пожертвовать и после исцеления деньги немалые туда — в ящик. А коль скоро никакого храма не строится...

— Это... это... — вскочил, побледнев, отшельник.

— Не ты, значит?

— Снимите постриг! Вернусь в мир, всех

поубиваю. Лично! Мой грех будет, но с такой хулой жить!

— Гордыня еще сильна в тебе! Ох и сильна! И вижу, лукавишь ты несколько. Нравится тебе поклонение.

— Богу же поклоняются. Я...

— Все. Твои пояснения принял и удовлетворен. Помыслы твои чисты. А с этими... жертвованиями власти мирские разберутся. Сегодня же сообщу о мошенниках. А знаешь, брат мой, храм здесь был бы очень и очень кстати... Но кто она? Не дознавался? Может, приметы какие?

— Не местная, точно. И видно — не помнит, кто она. А из примет...

— Говори.

— Браслетик у нее странный. Змейка такая золотая вокруг руки.

— Не знаю... Знак, вроде, не бесовский. Но доложу... Что же, пора мне и в обратный путь, брат мой. Только... — замялся инспектор. — Только... ты говорил, она и днем может?..

— Что у тебя, отец Арсений? — понял Георгий.

— Радикулит. Кельи в юности — радикулит в старости.

— Пойдем, попросим.

— Но удобно ли? Приехал проверить и воспользоваться?

— Ну что же такого неудобного? Проверил, правду ли говорю. Особенно о том, что не только в ночное время она свои способности являет.

Проверкой Арсений остался доволен.

— А об этом доложу, — уже возле машины прощался он с пошедшим провожать его до опушки отшельником. Проезд к самой пещере отшельника был категорически воспрещен.

— А ты знаешь, — осененный новой мыслью Арсений даже выбрался из такси. — Ведь наш горлом мается. Последнее время даже службы... с трудом.

— Буду несказанно рад, если соблаговолит сюда... — начал Георгий.

— Н-е-ет, не о том. Ее надо туда, к нам. Может, с тобой. Новую чудотворницу еще надо... раскручивать, как говорят в мире, а ты уже известен. Ну, с Богом.

— Бедная, бедная птаха, — думал, возвращаясь, отшельник. — Если тебя в центр... Они думают, что все так просто. Я тоже хорош. Не сказал, что больно ей каждый раз. А там — толпы. Миллионы страждущих. Что же с тобой будет-то? И им уже не расскажешь, что вода целебная свою силу быстро теряет. Но что же придумать-то?

Глава 2

Размышления прервали два здоровенных «хаммера», с ревом продирающиеся по лесной дорожке. Поравнявшись с отшельником, первый остановился.

— Он? — спросил огромный, под стать автомобилю, мужчина кого-то в салоне. Получив положительный ответ, кивнул на открывшуюся заднюю дверцу. — Садись, святой отец, быстрее приедем.

— Здесь ездить запрещено, — хмуро возразил отшельник.

— Кем? — поинтересовался великан. — Если не Господом Богом, то садись и поехали.

— Нельзя на автомобиле к скиту. Какая с него потом святость?

— Садись, садись. Помогите святому отцу.

Два угрюмых качка «помогли» усадить Георгия между собой на заднее сиденье.

— Ты, святой отец, не обижайся. На меня вообще обижаться не следует. А в этом конкретном случае согласишься, когда узнаешь срочность моей проблемы. О! Уже и приехали! А так бы тянулся и тянулся. Ладно, приглашай в свой скит. Потолкуем.

— В скит нельзя. Вот это как раз Богом и запрещено.

— Прямо вот так сам взял и запретил? Ну лады. Где тут у тебя потолковать с глазу на глаз можно? Там? Ну лады. Битый! Ждать вон там! А

кое-кому и помолиться не помешает!

Великан, брезгливо поморщившись, сел-таки на пенек напротив также устроившегося отшельника.

— Долго базарить не буду. У меня онкология. С третьей на четвертую. Это у меня-то! — гигант сжал огромные, с пудовые гири, кулаки. — Ну ладно. Предлагают эту долбанную химию. Дерьмо! Простите, святой отец. Выехал к этим светилам американским. Бабок убухал немеряно. И что? Они мне дают десять процентов. Хороши ставки — один к десяти! А тут, говорят, вы одного моего, скажем... коллегу на ноги поставили.

— Это кого же? — все также хмуро уточнил Георгий.

— Ну, Алекса Борзого.

— В рванину оделся. «Шестеро детей. Вдовец. Сиротками останутся». Уже потом я дознался, кого он кормилец и какие от него сиротки остаются.

— Да, по всяким прикидам он мастер. Но я попроще. Ты говоришь, сколько я отстегиваю, и делаем дело. Так сколько?

— Чудеса за деньги не купишь.

— Понимаю. Поэтому и спрашиваю, сколько? Ты бессребреник, это и козе понятно. Сколько? Вон, на храм жертвуют. Хочешь, такой, как Христа Спасителя, отгрохаем? Ну, может, чуть поменьше. Совсем чуть-чуть. А если поднапрячься...

— С ваших денег только храмы Спаса на Крови строить.

— Отец, нет времени на препирательства. Мне сейчас каждая минута дорога. Говори, сколько, и приступим. А потом, пожалуйста, побазарим о спасении душ и все такое прочее.

— Нет.

— Ну не хочешь базарить, так и тоже верно. Сколько? У меня с собой. На аванс хватит. А если нет, вон, — он указал на одного из своих попутчиков, — через местного авторитета братву напряжем, сколько надо притарабанят. Да и вообще...

— Это он на храм собирает? Жулик. Ничего святого.

— Отец, я не для разборок приехал. Хочешь, потом их накажем? Но потом. А сейчас...

— Нет.

— Та-а-а-к, — подался вперед навязчивый проситель. — А чего же ты хочешь, святой отец? — вкрадчиво спросил он. — Вот этого? — он одним ударом кулака отбросил отшельника далеко в сторону.

— Мученической смерти хочешь? — склонился он над выплевывавшим зубы Георгием. — Ты ее получишь. Станешь не чудотворцем, а святым. Так что ли? Но вначале ты вылечишь меня, урод. Битый, иди сюда!

Чудотворца — в его этот... схран?

— Скит.

— Давай. Братву туда же, пусть готовятся. Егор, ты со своими местными — никого не пускать. С понтом, как бы лечит кого-то из важняков. Кстати, должок за тобой. Этого святого отца ты окрысил. Храмовые деньги заныкал? Отработаешь.

Пока шеф-великан делал выволочку предводителю местной братвы, его заплечных дел мастера заволокли отшельника в пещеру, раздели, сноровисто связали и кинули на кровать, где ранее происходили светлые чудеса исцеления.

Девушка была на своей поляне, когда услышала страшный крик. Расстояние поглотило громкость, и крик был страшным по своей сути — kloкотали в нем боль, стыд и ярость. Оторвавшись от созерцания очередного инверсионного следа, смутно что-то напоминавшего, она вскочила и прислушалась. Крик повторился и перешел в рыдание — не менее страшное мужское рыдание. Зажав от ужаса уши, загадочная ассистентка кинулась в сторону скита — именно оттуда раздавались эти крики. И она уже знала, кому они принадлежат. Девушка промчалась через лесную чащу и выбежала на дорожку. На ней, сложив руки на груди, стоял низенький, но крепко сбитый человек, с выбритым черепом, в очках, в узких джинсах, синей майке и с цепью на шее. В общем

бык. Пытаясь обогнуть его, целительница приняла в сторону. Но и он сделал шаг в том же направлении.

— Куда бежим, сестрица? — поинтересовался бритый.

— Там... там... — запыхавшись, показала девушка в сторону скита.

— Там сегодня отшельник бесов изгоняет.

— Нет! Там что-то другое, там что-то ужасное с ним самим, — кинулась было она дальше. Но бритый грубо хватанул девушку за плечо и развернул к себе лицом.

— Тебе же сказано, — начал он.

— Погодь, — вмешался вышедший из леса второй бычила, отличавшийся от первого только ростом. — Это отшельника помощница. Он без нее никогда никого не лечит. И вообще, где-то я ее видел. Или не ее? — он, взявшись двумя пальцами за подбородок девушки, запрокинул ее лицо вверх. — Во! Вспомнил! Хотя нет... Не может быть... И вообще, та совсем дите была...

— А вот мы проверим, как они тут от зова плоти воздерживаются, — гнул свое первый.

— Урод! Если этот... без нее не лечит, а мы ее... Потом лучше самому быстренько удавиться. Пошли, проведем. Не нужна будет — другое дело.

— Чего лаешься? Я так... А на кого она похожа? — поинтересовался он, когда они втроем шли по дорожке.

— Это с год назад было. Даже меньше, — начал было высокий.

Но, вновь услышав крик боли, теперь уже близкий, девушка сама завизжала и помчалась бегом. Конвоирам не оставалось ничего другого. А в узких джинсах, враскоряку, да еще с отвычки, бег — дело нелегкое. У пещеры стояли двое из команды великана. Они вначале настороженно рассматривали бегущих, но, узнав в эскорте монашки местных братанов, успокоились. Даже расступились.

— Ну что там? — повернулся на шум шеф.

— Эта... девка... она всегда с ним... Он... без... нее... не... лечит, — отдуваясь, объяснил высокий братан. — Вот... мы и... подумали.

— Что доставили — хвалю. Что «подумали» — скажу вашему. Может, у вас тут и такие заморочки. А я мыслителей не держу. Все. На свое место! Битый, а вы держите девку!

— Ну вот, — повернулся он к отшельнику.

И увидев скрытую раньше кровать, девушка вновь пронзительно закричала.

— Отвернись! Ради бога, отвернись, — прохрипел отшельник. — Не смотри! — он страшно напрягся, пытаясь отвернуться на бок.

— Это цветочки, святой отец. — прорычал шеф. — Подтащите девку сюда! Пусть посмотрит.

Но та закрыла в ужасе глаза.

— Заставить смотреть! Или нет! Вот что! Мы его заставим смотреть! Ну-ка, давайте ее вон туда, к стене! Снимай одежду! Держите! Ничего! Изящная штучка, — оценил он, но не хрупкое тельце девушки, а блеснувший на руке браслет. — Ну, — повернулся он к отшельнику. — Да перевяжите его пока! Если отдаст концы до того, как меня вылечит, — каждый на этой койке побывает! С каждым сделаю то же самое. Ну? — опять склонился он над отшельником. — Думай, пока мои ребятки копошатся. Они и с ней начнут. Понял? Потом... И лучше не доводи меня до «потом». Ну? Лады. Тату, фас!

— Нет! — прохрипел отшельник. — То есть, да! Останови!

— Стоять, Тату!

Татуированный жлоб разочарованно вздохнул и отошел к стене.

— Чего они хотят? — подала голос девушка.

— Объясни, отче, только быстро.

— Они, то есть он...

— Дмитрий, для друзей Дима, — поклонился великан.

— Он хочет, чтобы его исцелили.

— Нет!

— Но, девочка моя...

— Нет!

— Ладно. С этими «нет» потом разберемся.

Ты же своего решения не поменяешь? Давай, отец, начинай. Где там твоя святая вода? Ну-ка, вы двое, сюда. Будете отца держать, а то стоять он не сможет.

— Нет!

— Слышь, мужик, ты меня не зли. Что опять «нет»? Твоя сучка не согласна? Так мы сейчас продолжим. Тату, приготовься.

— Ее нельзя трогать! Это она, понимаешь — она! — закричал в отчаянии отшельник. — Она!!! И если кто ей сделает зло... Не знаю... Может, она больше никогда... И не заставишь!

— Так ты что же? — начал вкрадчивым тоном шеф, сев на кровать и приблизив свою морду к лицу Георгия. — Она, значит, лечит, а ты пенки снимаешь? И вместо того, чтобы уговаривать девушку, я тут с тобой, козлиная морда, битый час беседу веду? Это, значит, ты мне, мне! лапшу навешивал? — Не сдержав своей ярости, он схватил стоявший рядом тот самый серебряный кувшин для святой воды и со всего размаху ударил им по голове несчастного отшельника.

— Со мной в такие игры давно не играют, — он кинул кувшин и повернулся к девушке.

— А с вами, мадемуазель, мы пока поговорим по-дружески... — здесь великан запнулся и потряс головой, отгоняя наваждение.

«Мадемуазель» в этот момент перепрыгнула

через корчащегося на полу Тату и кинулась к отшельнику. На полу также лежали и два быка, раньше ее державшие. Эти, правда, были абсолютно неподвижными. Целительница склонилась над телом отшельника. На миг пещера осветилась от полыхнувшего над кроватью синим огнем шара. Но он почти сразу начал угасать.

— Все... все... — прошептала девушка. — Мозг... Если бы... Все! — крикнула она, вскакивая.

— Да, с ним все, — подтвердил босс, косясь на приспешников, тормозивших лежащих на полу товарищей. — Но он же сказал, что это ты можешь...

— Да! Я могу! — зловеще прошептала она. — Еще как могу!

— Взять ее! Наверное, тронулась!

— Да! Взять меня! Ну! Вот ты, — она показала на заляпанного кровью блондина с длинными, заплетенными в косичку волосами. — Ты палач, да?

— Рекомендую, — не понимая происходящего, держал тон шеф.

— Ну, иди, возьми меня! Чего пятишься? Вот тебе, гад!

— Но вы переходите на оскорбления! — начал было шеф, но поперхнулся от дикого крика палача. Тот повалился на землю, и, продолжая кричать, засучил ногами, как ранее уже затихший

Тату.

— Дима, а ты сам когда-нибудь испытывал боль? — поинтересовалась девушка.

— Я же сказал, взять ее! — вновь заревел шеф. Но теперь в реве слышался страх.

— Ну кто здесь еще берет? Ты? Ты? Ты? И ты тоже? — она показала пальцем на всех находившихся в пещере быков.

И все они молча повалились на пол. Только один успел отреагировать — выхватил пистолет и пальнул в девушку. Но и сам после выстрела стал оседать по стене.

— Ты не ответил, Дима, — повторила девушка вопрос. — Ты, такой большой, такой сильный, такой страшный, никогда не испытывал боли?

— Ты это брось. Ты... давай договоримся... Я же... — бормотал шеф, пятясь потихоньку к выходу. — У меня же онкология... Спасения искал... Столкнемся. Любые деньги... Или храм...

— Вижу, боли ты, Дима, и не знаешь.

— Ты, ведьма, знаешь! — закричал шеф, выхватывая пистолет и разряжая всю обойму в девушку.

Но увидев, как пули, пронзая тело, с визгом рикошетируют от стен, он кинул бесполезную «пушку» и рванул из пещеры. За шаг до выхода у него отказали ноги. Затем наступили сумерки.

Потом пришла боль. Он еще слышал, как шелестела чем-то, наверное, одеваемой одеждой, ведьма, как прошла мимо него к выходу. Нестерпимая боль заставляла кричать. Но и кричать он не мог. Затем пришла тишина. И только боль терзала большое тело. И теперь, приходя иногда в сознание, он звал смерть, умолял ее прийти быстрее. Но она не спешила. Вместо нее вдруг появлялись те, кого убил он, кого замучили его подручные. И тогда приходила их боль. И библейский ад не мог сравниться с этим адом.

А мстительница, выйдя из пещеры, направилась назад по той же дорожке — к тому, кто ее «смутно помнил».

— Смотри! Отпустили! А я думал, этот крутой шеф их кончил. Что тогда за стрельба?

— Не наши дела. Отпустили, значит, не нужна. Ну что, подружка, теперь побалуемся, — схватил ее в охапку бычила.

— Некогда. А то я бы побаловалась! — возразила девушка, и бык, разжав объятия, упал.

— А ты, быстро, где и когда меня видел.

— Я... — запнулся второй, с ужасом глядя на своего брата. Тот тонко повизгивал, качаясь по траве и зажимая руками глаза. — Я же ничего... Это он, урод... Да вы же и слышали...

— Я не о том, говори, ну?

Но братан молчал, переводя взгляд то на

коллегу по ремеслу, то на девушку. Наконец, облизнув пересохшие губы, он начал.

— Не вас, девушку одну, меня тогда Вованом звали...

Повествование заняло минут десять. И аккурат к окончанию его слов: «Я человек подневольный, я еще тогда за это и огреб по полной программе» — в лесу раздался свист.

— Шеф собирает. Что-то срочное... Так я пойду?

— Пошли.

— Но шеф будет недоволен.

— Это который Дима? Не переживай.

— Дима — приезжая штучка. Наш покруче будет. Это просто за их шефом много кого стоит.

— Ваш покруче? Пошли!

К их приходу местные уже вытащили из пещеры чужаков. Кровать с отшельником решили не трогать. Но наибольшее недоумение и ужас внушал приезжий шеф — обездвиженный, молчаливый, но с непередаваемыми гримасами боли на большой враз побледневшей морде с остекленевшими глазами навывкате.

— Ну и как это понимать? — задал главный вопрос шеф. — Кто? И за что? Ну с отшельником понятно... Падлы! Такого дохода лишили! А их кто? И где девка? Ага! Привел? А где Бычок?

— Там... Валяется, как этот, — кивнул в

сторону Тату старый знакомый девушки, опасливо косясь на него.

— Сестрица, может, объяснишь, что произошло там, в пещере? — поинтересовался местный авторитет.

— Они отшельника... пытали... Потом их шеф его убил.

— Это я догадался. А потом?

— Потом пришло возмездие.

— И это я понял. Ты скажи, кто? Ты понимаешь, что мне теперь за все это перед столицей отвечать? Кто?

— Она это, шеф, она! — закричал вдруг Вован.

— Ну и сдохни тогда, — почти равнодушно заявил шеф и так же, как шеф приезжий, сделал несколько выстрелов в девушку.

Только этот был профессионалом — послал пулю за пулей в ее голову. Тотчас закричали двое его подручных, стоявших позади, — из-за разницы в росте шеф стрелял в девушку сверху вниз, и пули попали им в живот и грудь.

— Сам сдохни, — прошипела девушка, и еще один шеф упал, все еще сжимая пистолет. — И ты не уйдешь, сдохнешь! — крикнула она вслед убегающему Вовану.

Упал и тот. Больше расправы чинить было не с кем. И до этого очумевшие от случившегося в

пещере, от криков и стонов раненых, от бесславной смерти шефа, его подельники растворились в лесу. А ведьма села за руль одного из «хаммеров». Посидела в кожаном кресле. Затем включила музыку и немигающим взглядом уставилась на солнце. Потрясла головой, завела мотор оказавшимися в замке ключами.

— Ух ты! — восторженно ахнула она, когда на дисплее высветилась карта. — Значит, так. Я здесь. А это где? Это аж... Ну ладно, поехали.

Через добрый час, выехав на трассу, она выдавила до упора педаль акселератора. Джип радостно взревел и рванулся вперед. Его никто не останавливал, — ни пассажиров, ни водителя за тонированными стеклами не было видно, а автомобиль и его номера были известны многим.

Руки и ноги двигались автоматически, как автоматически иногда вспоминаются навыки управления велосипедом.

И девушка не удивлялась, а, мчась по дороге, вспоминала, вспоминала, вспоминала...

— Все-все, дочушка. Все хорошо. Ну-ну, ачинайся, все хорошо, — добрые руки матери растирали с какой-то водкой кожу на висках, затем в нос ударил невыносимый запах нашатыря, и Алёна окончательно пришла в себя.

Она лежала дома, на диване в зале. Яркие лучи солнца пробивались сквозь занавески, давая

понять, что летний день в самом разгаре.

— Ну вот и молодец, дочечка. Вот и умничка.

— А почему я?..

— Ты главное, полежи и не волнуйся. Все хорошо.

— Что хорошо, мама?

— Все хорошо. И с Виталиком тоже.

— Тоже?

— Да. Ничего с ним не случилось. Совсем ничего. Сейчас уже с Васей на речку пошли.

— Мама, что случилось? Что со мной?

— Да ничего. Сомлела с испугу.

— Но расскажите, мама.

— Ты лежи-лежи. Доктор скоро приедет. Ты что же, совсем ничего не помнишь? Как на Виталика машина?..

— Нет... нет. Сегодня... нет, вчера помню, до самого вечера помню. Грибы собирали с утра. Потом картошку пололи... вечером в клуб ходила. А сегодня... Мамочка, родненькая, что со мной?

— Да не пугайся ты. Ничего такого страшного. Вы днем из лесу пришли, мы с тобой грибами занимались, а Виталик на улице бегал. Потом машина приехала к соседям. Комбикорм привезли. А когда шофер уезжать собрался, то не посмотрел, что Виталик под колеса за Анфиской полез. Мы то с тобой на скамейке сидели, ты увидела, ну и сомлела. Я повернулась, когда

машина уже проехала. Нет-нет, дочушка, все хорошо. Колеса мимо проехали. Все целы — и Виталик, и кошка, и шофер. Ну, шоферу я добре дала. Правда, и сами виноваты, недоглядели. А так все добре. Вспомнила?

— Нет, мама... Хотя, вот лес и грибы помню. На скамейке сидим — помню. Ты мне еще про бабушку рассказывала, как она грибы чуяла, да?

— Правда, доченька.

— А вот дальше не помню.

— Ну, ничего. Не страшно. Говорят, бывает. Сейчас доктор приедет, посмотрит. Вон и приехали.

В это же время тот самый незадачливый водитель уже в гараже дрожащими руками разливал в стаканы дешевое вино.

— Ты же знаешь, Микола, я это дело за рулем — ни-ни. А тут... Я, понимаешь, дитя переехал! Да че ты, если бы на сурьез, я бы сейчас здесь с тобой... Это, оказывается, почудилось мне. Привез я комбикорм, разгрузили... Я отъезжать, а сзади — крик женский. И задний мост так рывком приподнялся. Ну все, думаю. Я же видел, что рядом малые игрались. Но с мамкой же! Вот и... Остановил машину, выскочил, а сам под колеса и заглянуть боюсь. Потом вижу — малой жив-здоров у мамки своей на руках. А девчонка старшая — на лаве без чувств. Ну я и подумал, что ее. Нет, оказалось, сомлела от страха за малого. В общем,

никого не переехал и не зацепил. Померещилось? Может... Только знаешь... Давай выпьем и доскажу. Так вот... Там у них возле ворот глина. Следы от колес видны. И как заезжал, и как отъезжал. Это вам кажется, что одна колея. А водила — он увидит. И вот что я тебе скажу — нет там в одном месте следа на метра три, будто подняли машину и перенесли. Вот это я и почувствовал тогда. Инопланетяне, говоришь? Я вот так и думал, что все будут, как ты: «Гы-гы». Лучше уж молчать. Давай-ка еще одну!

Докторша была не то чтобы злая, а какая-то неприветливая. Проведя традиционный осмотр с обычными вопросами, она тут же заявила, что девочку они забирают для более тщательного обследования.

— Может, как вы говорите, от страха за братика, а может, и нет. Возраст такой, что... Ну, сами понимаете.

— Ой, что вы, а как тут они без меня? — испугалась девушка.

— Я думаю, справятся, — улыбнулась-таки врачиха. — Да и не будем мы долго тебя там держать, если все нормально.

Встревоженная мать наскоро собрала немудреную поклажу, и санитарная машина направилась в районную больницу.

— Устроишься, позвонишь. Привезем, если что понадобится.

Братья и отец еще не вернулись, и Алёна попрощалась с соседскими бабусями, подтянувшимися на такое событие. С заднего сиденья «козлика» девушка рассеянно рассматривала обступавший дорогу лес. В районной больнице ей лежать не приходилось. Да и вообще лечиться — Бог миловал. И вот теперь... Чего она так сомлела?

— Абсолютно здоровая девочка... И чего вы ее привезли? Если нервное истощение — полежала бы дома.

— Но Сергей Сергеевич! Селяне. Лето. Где она там полежит? Не хотела ехать: «Как они тут без меня!» — повторила заступница. — А скоро уборка, школа, заготовки. И нет сейчас у нас запарки. Давайте обследуем?

— Хорошо. Полное обследование, общеукрепляющее... ну, вы знаете сами.

— Ну вот, недельку побудешь здесь, врачи тебя посмотрят хорошенько, чтобы больше в обморок не бухалась, — сообщила врачиха девочке, испуганно сидевшей на краешке койки. — А то будешь с кавалером танцевать — и бух в обморок! — решила растормошить шуткой она новую пациентку.

— Ой, что вы такое говорите, — засмузилась

Алёна. — Какие там кавалеры!

— Ну-ну, тебе уже скоро пятнадцать?

— Скоро, — вздохнула девушка.

— Чего же вздыхаешь?

— Так...

— Ты, главное, не теряйся. Это твоя кровать, это твоя тумбочка. Санитарки все расскажут и покажут. Здесь, кроме тебя, две больные, сейчас они на процедурах. Так что держи хвост пистолетом. Если что, спрашивай меня. Я твой лечащий врач, зовут меня Вера Ивановна. Ну, не теряйся.

«Ей хорошо так советовать. Врач. В городе живет. Училась где-нибудь в областном центре. А человек, может, из деревни, только на экскурсии с классом выезжал да по телевизору другую жизнь и видел», — вздыхала девушка, раскладывая в тумбочке свои нехитрые пожитки.

Затем, внимательно взглянув на больничный халат, вздохнула. И зачем забрали ее одежду? А теперь в трико ходить перед незнакомыми людьми. Алёна еще раз вздохнула, вспомнив, как смущалась она на уроках физкультуры под взглядами одноклассников. Еще год-два назад ничего не было видно, а теперь... Нет, уж лучше в халате. Она вышла в длинный, пустынный сейчас коридор. С удивлением рассмотрела роспись на стене — какой-то пейзаж древнегреческого острова, с

колоннами, берегом, кораблями и морем. Посидела в вытертом мягком кресле. Уже начала было скучать, но тут разъехали в стороны железные двери и из кабинки лифта санитарка вывезла кресло-каталку с довольно древней старушкой.

— Давайте, я помогу, — метнулась к санитарке Алёна.

Вместе они благополучно вытянули кресло и покатали по коридору в дальнюю палату. Там девушка помогла санитарке переложить больную с кресла в кровать.

— Спасибо, внученька, — задыхаясь, просипела старуха. — Чую, доброе у тебя сердечко. Зайдешь ко мне попозже, когда отдохну, хорошо?

— Ты обязательно к ней зайди, — посоветовала санитарка. — Это бабка особенная. Дар у нее — насквозь людей видит. Чем-то ты ей показалась. Новенькая? Из четвертой? Ну, палата хорошая. И врач хорошая. Только с виду строгая. И в отделении у вас сейчас тихо. А там, в шестой взрослой — все тяжелые. Запаришься их обслуживать.

— Я буду помогать, если хотите. Что тут без дела сидеть...

— Лежать, девонька, лежать. Сидят, знаешь где? Ну, если самой в охотку... Тебя как зовут? Алёнка? Красивое имя. Я тоже хотела дочку или Алесей или Алёной назвать. Не получилось, —

вздохнула санитарка.

— Почему?

— Не родила девочку. Трех балбесов родила на свою голову, а девочки нет. Меня Марией Петровной зовут. А ты можешь меня называть тетей Марией или Петровной. Ну, хорошо, обед сейчас. Лежачим разнесу, потом покажу, где какие врачи. Ты пока тоже иди перекуси.

— А можно, помогу?

— Не сидится? Хорошо, давай вместе.

Так с первого же дня Алёна взялась за дело. Спокойная и участливая, преисполненная уважения к старшим, она так естественно ухаживала за лежачими больными, словно это было ее прямыми обязанностями.

В этот же вечер, уже после окончания процедур, Алёна заглянула к странной старухе.

— Садись, садись, внучечка. Дай налюбуюсь на тебя, — засипела больная. — Как лучик ты. Блеснет, согреет — и нет его. Скрылся за тучкой и ждешь следующего... У меня доченька была таким же лучиком. Блеснула — и все.

— А что «все», бабушка?

— Можешь называть меня Даниловной. Что случилось? Да ты садись. История долгая, вот и остальные послушают. Правда, бабоньки?

Три соседки согласно закивали головами, одна осталась лежать неподвижно с закрытыми глазами.

— Плохо ей. Но мы ей не помешаем. А твои соседки как?

— К ним там родственники пришли.

— Значит, и тебе торопиться некуда. Так вот что случилось. Мы, Ростовы, — нездешние, мы из тех самых, ну что в «Войне и мире». Не читала еще?

— Нет, фильм видела.

— Фильм. Книжки читать надо. Хотя, может, и рано. Ну, неважно. В общем, прибило предков сюда. Уже давно, правда. Еще до войны. А в войну как ушли они в леса, так и возвращаться не пожелали. Жили себе и жили. Потом «единоличников» раскулачивать пришли. Раскулачили — травы лечебные позабирали, дичь засоленную, да другие соленья разные. И хозяина забрали. Это отца моего. А мать уже на сносях была. Вот родила меня, и остались мы одни жить-поживать в лесу. Лес, он, знаешь, и прокормит, и обогреет. Надо только с ним дружить...

Разговор был прерван диким криком. Неподвижно лежавшая женщина вдруг забилась в конвульсиях. Ее било так сильно, что еще до того как к ней подбежала Алёна, несчастная упала с кровати.

— Держи, держи ее. И язык, язык вытяни, не дай задохнуться, — заверещали соседки. Одна

кинулась за врачами.

Алёна не стала хватать эпилептичку за язык. Положив руки на виски больной, она мягко погладила ладонками мокрую от пота кожу и стала уговаривать успокоиться, как уговаривают плачущего по ночам грудного ребенка.

— Ну не надо, ну не больно. Сейчас пройдет. Уже проходит. Уже прошло, правда? Вот-вот-вот, проходит-проходит-проходит.

Прошло-прошло-прошло. Все. Давайте в кроватку. Вот та-а-ак. Теперь на бочок и спатиньки. Баю-баюшки-баю.

Девушка успела еще укрыть уснувшую женщину и вернуться на стул рядом с Ростовой, когда в палату ворвались дежурная медсестра и санитарка Петровна.

— Где?!! — автоматически спросила медсестра, рассматривая кровать с мирно спящей пациенткой. — То есть, что здесь?

— Какой-то небольшой приступ, уже прошел. Теперь спит, — ответила старуха Ростова.

— Точно спит? — подошла поближе медсестра.

— Спит, спит. Будить не надо. Пусть отдыхает.

Старой больной почему-то верили, и успокоенный медперсонал направился по своим местам дежурства.

— Ловко у тебя получилось. Давно практикуешься? — поинтересовалась одна из соседок Ростовой.

— Ой, что вы! Не практикуюсь я. Просто так получилось. Жалко стало.

— А «жалко стало» в первый раз? — поинтересовалась уже Ростова.

— Нет... Даниловна. Я вот братика жалею, когда он заболит или где порежется. Зверюшек всех жалею. Они, когда болеют, сами приходят.

— Куда это приходят?

— В лесу одно место есть. Любимое. Я там люблю, когда время есть, посидеть, деревья подслушать.

— Подслушать? — удивилась еще одна женщина.

— Ну да! Они между собой разговаривают, только надо слышать. Вот, а зверюшки пронюхали и приходят. Кто в капкан залезет, кто подерется — они же, как дети малые! А кого и охотник или другой зверюга покалечит. А пожалеешь их, им и полегчает!

— А ты бы меня «пожалела», а, девонька? Нет уже мочи терпеть. Как нахлынет эта проклятая головная боль, хоть твоим зверюшкой вой, — с горечью предложила бледная женщина с кровати у окна. — Зверюшки они что — не понимают. А тут знаешь, что это опять вернется. И опять. И все

сильнее и сильнее. Пока не сдохнешь. Если раньше с ума не сойдешь. А дети еще малые. Пугать нельзя. Уйдешь за сарай и воешь там потихоньку.

Глаза впечатлительной Алёнки наполнились слезами. Она легким ветерком метнулась к кровати женщины и вмиг обняла ее голову.

— Бедная вы бедная, — плача, гладила она выбритую голову женщины. — А такая прическа зачем? — некстати поинтересовалась она.

— «Прическа», — фыркнула стриженная. — К операции готовят.

— Ничего-ничего-ничего, — начала гладить лысую голову девушка. — Пройдет-пройдет-пройдет, — привычно затараторила она.

— Если ты хочешь, как у Степановны, то не получится, — подхватила было женщина, но тут же опустила на койку.

— Бедненькая, — все еще плача, повторяла девушка, легко касаясь длинными пальчиками висков женщины. — Здесь болело. И здесь. И здесь. Ничего-ничего-ничего. Пройдет-пройдет-пройдет. Поспите-поспите-поспите.

Когда женщина у окна сонно засопела, Алёна, вытирая слезы, вернулась к собеседнице.

— Извините, мы тут все время вас перебиваем. Но так получается само... Рассказывайте, пожалуйста, дальше.

— Нет, внучечка. Поздно уже. И знаешь... горло у меня болит. Слышишь, как я разговариваю. Ты бы немножко его полечила, а?

— Но я не умею...

— А ты, как им, руку положи.

— Не знаю... Я же не специально...

— Ну, не знаешь, так и не знаешь, — просипела старуха.

— Нет, вы не обижайтесь. Я ведь не лечу. Ну, когда больно очень всяким зверюшкам, я вижу, чувствую. Вот и родных чувствую.

— Дай руку. Положи сюда. Чувствуешь? Я с этой болью уже несколько лет. Просто притерпелась.

И Алёна почувствовала. Боль была острой, пронизывающей насквозь ее тело. И она, уже молча вытирая слезы, пыталась унять ее.

— За раз не справишься. Если вообще можешь, — успокоила старуха Алёну. — Ладно, дорогая. Иди спать. Ты очень устала, правда?

Алёна согласилась, что это правда, вдруг стали слипаться глаза. Быстренько попрощавшись, она добралась до своей палаты и, прикоснувшись щекой к подушке, тут же уснула.

А в палате Даниловны две бодрствующие соседки приставали к ней, требуя объяснений.

— Вот что я вам скажу, девоньки... Только т-с-с-с, молчок. Подойдите-ка сюда, ко мне.

Слушайте. Н-и-ч-е-г-о не было. Вы спали. И спите. Спать, спать.

— Вот так. Забот девоньке меньше, — пробормотала Ростова, когда любопытные больные добрались до коек и тут же начали похрапывать.

Затем старая женщина впервые за долгое время самостоятельно встала, опираясь на стену и хватаясь за койки, добрела до окна и, глядя на «обрезанную» луну, ласково улыбнулась и что-то зашептала. То ли луне, то ли звездам, то ли Богу...

Алёна проснулась, как дома, то есть с петухами. Нерастроченная на домашние хлопоты энергия требовала выхода, и девушка направилась к дежурной сестре получить задание на утро.

— Вначале позанимайся собой, а потом, после обхода, придумаем тебе занятие, — улыбаясь, посоветовала дежурная.

Признав правоту этих слов и покраснев от того, что медсестра может заподозрить ее в нечистоплотности, Алёна тут же занялась утренней гигиеной. Затем заглянула в отделение к взрослым — проведать Даниловну и других несчастных больных.

— Ты поможешь мне пройтись, — попросила после приветствий Даниловна. — Только тихонько, пока они все спят.

— Вот что, девонька, ты о том, что вчера этих двух... ну, пожалела, никому не говори, —

предложила старуха, опираясь на плечо помощницы и довольно бойко выбираясь в коридор.

— А что, что-то плохое случилось? — испугалась Алёна.

— Нет, не бойся. Все хорошо. Думаю, даже очень. Но давай подождем, посмотрим. А то знаю я этих женщин. Пристанут к тебе, душу вытянут. И с прыщом, и с зубом, и другими мелочами. А тебе твой дар на мелочи растрачивать нельзя.

— О чем таком вы говорите? — озадачилась девушка.

— Я тебе расскажу. Много чего. Поймешь. А пока поверь. Хорошо?

— Конечно, я и не собиралась ничего такого рассказывать. А вы вот вчера только начали...

— Вечером. Думаю, что эта наша Степановна нам не помешает. Может, ты ее заранее успокоишь?

— Не знаю, никогда не пробовала заранее...

Беседу прервал вошедший в отделение врач.

— Ого! Даниловна! Что это значит? — изумился он, увидев передвигающуюся на своих ногах старуху. — Коляска сломалась? — высказал он догадку.

— Нет. Просто на поправку пошла. Раздумала я помирать.

— Молодец, Даниловна. Только не усердствуй. А ты, девочка, не потакай ей.

— Нет, что вы! — искренне заверила девушка врача. Она остановилась и смотрела ему вслед, пока тот не вошел в ординаторскую.

— Кто это? — поинтересовалась она на обратном пути.

— Хирург наш. Талант. Золотые руки у мальчика. И душа тоже.

— У мальчика, скажете тоже, — фыркнула Алёна.

— Конечно, Алёнушка! Ему-то двадцать пять всего.

— Ого! А вы говорите «мальчик».

— Ладно, внучечка, не будем спорить. Для меня он мальчик, для тебя — дяденька, а для обоих и остальных больных — Андрей Андреевич. Вот и прогулялись. И видишь — уже товарки мои проснулись. Как самочувствие, девчата? Вижу, что хорошо. А я вот решила пройтись, аппетит нагулять.

— Ты, Даниловна, сегодня и говоришь по-другому — голос прорезался.

— Сдается мне, что скоро многое будет по-другому. Спасибо, внучечка, иди к себе, а то обход скоро.

Так уж получилось, что с соседками по палате девушка познакомилась позже, чем с больными палаты Даниловны. Две девочки-одногодки попали сюда с одной и той же напастью — падучей. Как и

Алёну, их тяготило нахождение здесь. Но еще больше их угнетала сама болезнь. Они и раньше подсознательно чувствовали себя изгоями, а сейчас, в возрасте первой любви, ну, первой влюбленности, когда кавалеры обходили их стороной, это чувствовалось особенно остро. И во время обхода они были хмурыми, неразговорчивыми, отвечали на вопросы уже знакомой Алёне Веры Ивановны односложно.

— Ну а ты, птаха, как? Наверное, освоилась уже? — обратилась к ней врачиха.

— Да, спасибо, все хорошо.

— Извини, но у нас с тобой маленькое... недоразумение. Где-то пропали твои анализы крови. Придется сдавать еще раз.

— Ничего, я щедрая.

— Это как?

— Ну, медсестра этой иглой уколола, а кровь как брызнет! Я даже расстроилась — ей и на халат, и на лицо попало. А она ничего, только улыбалась, когда вытирала. «Какая ты щедрая», — говорит. Ничего, я сдам.

— Вот и договорились. Ну хорошо, девочки. Выздоровливайте.

— «Выздоровливайте», — фыркнула ей вслед Алёнина соседка — Тома, полненькая, крепко сбитая малышка. — Знает, что врет, и не краснеет.

— Почему врет? — изумилась Алёна.

— Ты не знаешь? — заговорила вторая «сопалатница» — Светлана. — Ведь наша болезнь не лечится. Мы же читать умеем. Это или проходит, или не проходит. А врачи здесь — постольку, поскольку. У тебя это давно?

— Что «это»?

— Ну, приступы.

— Нет. Не было. Вот позавчера в обморок упала — и все.

— Значит, только проявилось. Плохо.

На дальнейшие расспросы девушки решили не отвечать.

— У Веры расспросишь, она и расскажет. А может, у тебя что другое.

Не добившись правды, Алёна решила навеститься к Даниловне.

Обход сегодня у взрослых проводил тот самый хирург Андрей Андреевич. Заставшая его девушка так непосредственно и восторженно рассматривала врача, что тот ее не выгнал, но вдруг засмутился и быстро закончил осмотр в палате.

— А, что понимает! Ему бы вырезать чего кусок, — разозлилась третья, неразговорчивая соседка Даниловны.

— Ну что вы! Говорят, будущее светило. Его уже в область приглашали, а он все здесь практику наработывает.

— Вот пусть и наработывает, а не лезет, куда

не знает! Хирург! У меня и сахар, и давление, и черт знает что! Мне рожать нельзя из-за всего этого. А детей нет!

Алёна во все глаза смотрела на желающую родить «старуху».

— Мне тридцать два уже, еще год, два, ну три, и все!

— А что же вы... или все время болеете? — участливо поинтересовалась одна из соседок.

— Да нет. Была у меня девочка. В пятый класс уже ходила... Ты, Алёнушка, выйди из палаты. Не для детей это.

Девушка вышла и, краснея, тут же приникла ухом к двери. Потом нашла закуток в нише с телевизором, где сидела и плакала, пока не пришло время помогать разносить завтрак, а затем помогала убирать и водить больных на процедуры, получила свою порцию уколов. Увидев хлопотливую девушку во взрослом отделении, ее вызвал к себе хирург.

— Больным нужен отдых и покой, а ты все время в движении, в каких-то заботах. Тебя что, так наш медперсонал напряг?

— Ой, что вы! — всплеснула руками Алёна. — Это я сама.

Андрей с улыбкой рассматривал пациентку. Худенькая до хрупкости, но в то же время крепенькая, видно, приученная к физическому

труду. Большие темно-голубые глаза. Пухлая великоватая для узенького личика верхняя губа создавала впечатление, что девушка улыбается. Что тут же вызывало ответную улыбку. Еще природа наградила девочку удивительно пышными русыми волосами. «Красавицей вырастет. Уже сейчас симпатичная, а через годика два, когда расцветет...»

— Скажите, а вот операции делать... вам не страшно? — с искренней непосредственностью прервала его размышления больная.

— Операции? Нет... А почему мне должно быть страшно?

— Ну, вдруг что не так пойдет? Вдруг не получится?

— Ах в этом плане? Знаешь... Алёна, вначале было страшно. Очень. Теперь руки не дрожат, а все равно перед каждой операцией волнуюсь. Умничка, правильно угадала.

— Не угадывала. Просто увидела на обходе.

— Что-что ты увидела? — даже подался через стол молодой хирург.

— Человек вы очень хороший. Вокруг вас, как это правильно, аура аж светится. Я таких мало видела...

— Спасибо за комплимент, — засмутился врач, — но у нас здесь вот так... подхваливать нельзя. И все равно постарайся меньше суетиться и

больше отдыхать. Узнает наше руководство... Я еще с Верой Ивановной переговорю.

— А скажите, у этой нашей... ну, из палаты Даниловны. У которой дочку... Она, что, и вправду из-за болезни не сможет никого народить?

— Родить, Алёнушка, родить, — поправил Андрей. — Видимо, да. Мы здесь как будто берем анализы, проводим какое-то лечение, потом в область отправляем, а затем — в республику. Может, пока выявим окончательный диагноз, другая рана зарубцуется. Но это между нами, да?

— Да. А можно мне к вам на операцию?

— Не боишься? У нас многие ребята в обморок падали. А ты, вот, — он показал на записи в истории болезни, — получается и без этого можешь сознание потерять.

— Да не боюсь я!

— Ну, посмотрим, как себя будешь вести!

— Ух как буду!

— Да шучу я, девочка, шучу. Конечно, нельзя. Как ты должна понимать, не детское это дело.

В коридоре ее ждала Даниловна, которая уже могла передвигаться хоть и медленно, но без помощников.

— Что хотел Андрей? — поинтересовалась старуха.

Она внимательно выслушала краткое изложение беседы.

— Я ему покажу «не детское дело»! — пообещала девушка.

— Ну, не хорохорься. А про нашу палату ничего не спрашивал?

— Нет... Совсем нет, — вспоминала Алёна.

— Ну и хорошо. Давай вот что. Пропустим наших врачей, а потом ты выведешь меня во двор. Лучше, пока еще, вывезешь, а там уже и погуляем.

В лаборатории девушку встретили не приветливо, хотя она и не была виновата в случившемся. Впервые за длительный период существования этого подразделения районной больницы пропали анализы крови. Не исписанный листок, а сама кровь. И даже не пробирки с кровью, нет. Они стояли в контейнере, как положено, подписанные. Но без крови. Что бы это значило и в чем тут суть чьего-то злодейского умысла, понять не могли. Ну не выпивали девчата так много, чтобы забыть взять у больной кровь и запечатать пустые пробирки. В конце концов, на происшедшее махнули рукой и решили взять анализ повторно.

После обеда, до наступления тихого часа, Алёна вывезла Даниловну на двор. Они посидели на скамейке, наслаждаясь теплом и свежим воздухом.

— Как у меня в лесу сейчас хорошо, — вздохнула старуха.

— У нас в деревне тоже, и в лесу, согласна. У

меня на полянке сейчас, наверное, мои знакомцы удивляются, почему не прихожу. Я ведь стараюсь почаще. Если нет больных, то долго не засиживаюсь, принесу какого-нибудь гостинца — и назад. Это когда мама в грибы отпускает, то корзинку быстро наберу, а потом и побыть с ними можно.

— Любишь зверей?

— Ужасно! То есть очень. Всяких. И знаете, они на этой полянке, вроде как договорились. Никто ни за кем не гоняется, никто никого не хочет съесть. Однажды сижу, балуюсь с детками ихними, вдруг бельчата по дереву шусь — и нет их. А остальные, которые по деревьям не лазят, за мою спину спрятались. Смотрю, а из кустов, которые возле поляны, вышел волк. Здоровый, и такой, аж с сединой. Матерый, да? Вышел и на меня смотрит. А я аж обмерла. А он посмотрел, посмотрел, потом лег и на меня опять смотрит. Я поднялась, глядь, а у волчины на задней лапе здоровенный капканище. Я таких и не видела. Подошла поближе. Он смотрит мне прямо в глаза, они карие и такие... ну, несчастные что ли. Больно ему, а пожалиться не может. Гордый. Я присела прямо возле него, капкан разглядываю, а он так отвернулся, как ему ничего и не надо, а я, если очень хочу, то могу ему помочь. Гордый! Я к лапе только притронулась, а у него аж дрожь по коже, так больно. Но терпит. «Нет,

думаю, так не пойдет, надо боль убирать». Это когда кому очень больно, я забираю боль в себя. Она через меня уходит. Правда, терпеть надо. Но я терпеливая. Вот положила я руки на лапу, а боль такая, что аж зажмурилась. Ведомо дело, кость раздроблена и гной — по всей лапе. Но сижу, терплю, плачу тихонько. Так терпеть легче, когда плачешь. А волк, как все понял — повернулся ко мне мордой и прямо в глаза по слезам и лизнул. Ну, потом нашла я ветку потолще, разжала эти железки, высвободила лапу, перевязала. Я с собой обязательно бинта хоть немного беру. мама ругается, но ведь у этих зверюшек обязательно что-нибудь случается. Вот... А потом ему говорю: «Одним разом не обойдешься. Тут надо недельку полечиться. Ты лапу свою пока сильно не загружай и приходи завтра. Только чур, на полянке никого не трогать. Уговор?» Он, конечно, ничего не ответил, ушел, даже хвостом не помахал типа «спасибо». А на завтра пришел. И послезавтра тоже. За неделю вылечила. И понимал. Когда я им занималась, эти мои зайчата к нему чуть не вплотную подбирались. Любопытные. А он только покосится на эту мелюзгу и отворачивается. Ах, какой он красивый, когда здоровый. Пришел прощаться, здоровый такой, уши торчком, голову держит важно. Но когда я его обняла на прощанье, опять меня, как наш Дружок, лизнул и сник.

— Ты очень любишь зверей, девонька. А людей?

— Людей я тоже люблю. Но их есть кому лечить. А вот вырасту, хочу их лечить. Врачом стану.

— Но ты уже их можешь лечить? Правда? Правда!

Алёна хотела что-то ответить, но встретила взгляд бездонно-черных глаз старухи и осеклась.

— Ты будешь! Сможешь лечить людей, внучечка, уже сейчас. А я тебе помогу. Ведь люди все-таки лучше зверей. Хотя в каждом из них и сидит какая-то зверюшка. Они очень разные, люди-то, но в большинстве своем хорошие, правда?

— Не знаю... наверное. Но я все равно не так их люблю. Нет, маму, братиков, отца, конечно... А других...

— У тебя все впереди, Алёнушка. Встретишься ты и с любовью, и с добротой, и с предательством, и с подлостью людской. Чувствую. И я много смогу тебе подсказать. Вот, скажи, что бы ты сделала с тем, кто твоих зверюшек калечит?

— Я... Не знаю...

— А вот ты слышала историю про дочку моей соседки. Слышала, слышала, не красней. Что бы ты сделала с тем убийцей?

— Убила бы!

— Как?

— А вот так! — взглянула девушка на давно надоедавшую муху и та вдруг обуглилась.

— Браво, внученька! Именно так! И ты давно... практикуешься?

— Нет, что вы, нет! Я дома даже крыс и комаров просто повыгоняла. Как будто им у нас... ну, страшно, что ли. А это я вот... впервые... Со зла на того убийцу.

— Все правильно. Но только человек — не муха какая. Уж очень надо быть злой, чтобы человека... Моя доченька только два раза... Но об этом когда-нибудь потом. В тебе, Алёнушка, сейчас просыпаются неведомые силы. Ты сможешь и исцелять, и убивать. Но убивать и сейчас могут многие... Дай-то Бог, чтобы ты стала целительницей, а не воительницей.

— Я и не хочу никого убивать. Я даже мяса не ем, потому что это — убитые животные. Я буду исцелять!

— Дай-то Бог, внученька, дай-то Бог. Но идем. Пора.

Девушек в палате уже сморило сном. Вспомнив слова Даниловны о зверюшках в людях, Алёна повнимательней присмотрелась к соседкам. Действительно, рыженькая востроносенькая Светлана была похожа на лисенка, а толстенькая Тома — на маленького сурка. «Буду пробовать исцелять», — решила девушка и присела вначале

возле «лисички»...

Глава 3

— Умаялась, помощница. Но все равно будить надо. Просыпайся, девочка. Вечерние процедуры, ужин. Потом доспишь, ночью.

Добрый голос санитарки вернул Алёну к действительности. Но сразу встать она не смогла, приподнялась и тут же вновь откинулась на подушку.

— Да что же это с тобой, милочка моя? На тебе лица нет! И бледненькая какая! Плохо тебе? Побегу за врачом! — и не слушая возражений, испуганная тетя Мария кинулась в ординаторскую.

Веру Ивановну уже сменил Карл Петрович (больные дети называли его Карапетом). Низенький, рано лысеющий и обостренно болезненно к этому относящийся, желчный с персоналом и неразговорчивый с больными, его держали в больнице, считаясь с его профессионализмом. Быстро послушав девушку и измерив ей давление, он буркнул: «Истощение» — и, обратившись к санитарке, добавил:

— Мне говорила Тимошенко, что к нам о-о-очень трудолюбивая девушка поступила. Запомните — она больная. Если увижу ее работающей за вас — накажу. Обоих. Полюбуйтесь

на результат! Немедленно капельницу, — это он сказал уже медсестре, когда санитарка выскочила прочь.

— А ты, девушка, запомни. Ты здесь лечишься. Будешь маяться дурью — поставлю вопрос о выписке. — Увидев в васильковых глазах слезы незаслуженной обиды, он вдруг, впервые за многие годы, дрогнул и виновато-сдавленным тоном пояснил: — В твоих же интересах. Разве можно вот так доводить себя? Школа скоро, быстренько поправляться надо, сил набираться, а ты вместо этого что с собой делаешь?

Дождавшись капельницы и предписав персоналу немедленно сообщить ему, «если что», Карапет быстрым шагом направился в ординаторскую, где решил посмотреть тоненькую пока историю болезни новой пациентки.

А к девушке, пыхтя и отдуваясь, уже прибыла Даниловна.

— Что, внучечка, так вдруг?

— Ай, не вдруг это. Я попробовала после нашего разговора. Вы только не говорите им, — понизила голос Алёна. — Вот много сил и ушло. У меня такое бывало, но не так. Просто голова кружилась, когда сильно, ну... много... занимаешься, — подыскивала слова девушка. Ну, как с тем волком. Тогда тоже кружилась. Потом проходит. Надо только...

— К солнышку? А луну не пробовала?

— Не-е. Я ведь ночью не занимаюсь этим. Разве когда братика от зубной боли какой. А потом ночь поспишь — и все проходит. А тут нет. И вообще все как-то странно...

— Выйдем, расскажешь.

— Врач строгий. Наверное, не даст и встать.

— Карлуша? Ты лежи, пока не докапает, а я скоро приду.

— Ишь, как Даниловна с тобой носитя! Почему?

— Не знаю. Я ей помогла... ходить. А ты ее знаешь?

— Здесь рассказали. Знаменитость районного масштаба, — иронически ухмыльнулась Светлана-лисичка. — Она у нас местный Касьян, повставляла в свое время диски всем страждущим. В том числе и врачам, и начальству. Говорят, некоторые даже из столицы специально приезжали. Теперь вот сама лечится. Но наши костоломы ее уважают.

— Почему костоломы?

— Ай, что они могут!

— Зачем ты так. Вот ты же и Тома вылечились.

— Я? Мы? Вылечились? Да с чего ты взяла? Тамара, ты слышала этот бред?

— Не бред! У вас больше никогда не будет

этих приступов. Никогда!

— Нашла чем шутить! Если бы не эта капельница, я бы тебе...

— Постой-постой, — более рассудительная толстушка присела на край Алёниной койки.

— Алёна, ты что такое говоришь? Если не прикалываешься, то откуда узнала?

— Мне Даниловна по секрету сказала. А она видит, — соврала девушка. — Только она не хочет, чтобы к ней приставали. А я вот, проболталась.

— Дай Бог, если правда. Дай Бог! — вздохнула Тамара. — Ну, недолго и ждать-то, — добавила она.

Товарки по несчастью переглянулись. Они знали, что вскоре каждую из них должно «хватануть». Вот только когда?

— А я сейчас же и проверю, — решила Светлана. — Меня все время хватает, когда я слушаю мэтал. Мне запрещают, но одна кассетка есть. — Она достала плеер, подготовила и посмотрела на Алёну.

— Вот капельница кончится и испытаем, а? Чтобы, если неправда, помогала.

Когда процедура закончилась и девчата опять остались одни, Светлана решила. Некоторое время она настороженно прислушивалась к себе. От ожидания приступа ее бледное лицо напряглось, еще больше побледнели и поджались губы, поперек

лобика, прикрытого рыжей челкой, прорезалась складочка. Но ничего не происходило, и девушка вначале начала просто качаться в неслышимый соседкам такт музыки, затем вскочила с кровати и бросилась в танец. Это был какой-то немислимый симбиоз возможных и невозможных телодвижений истосковавшейся по танцам девчонки. В конце концов Светлана, запыхавшись, рассмеялась и плашмя бухнулась на койку.

— Спасибо, Даниловна! — крикнула она входящей в палату старухе.

— Это за что же? — изумилась та.

— Ладно, не надо. Алёна все разболтала. Но я... то есть мы будем молчать как рыбки. А это надолго?

— Я так и думала, — укоризненно покачала головой Ростова, глядя на Алёну.

— Ну это она случайно проговорилась, когда мы начали врачей ругать. Это надолго?

— Что «это»?

— Ну... выздоровление.

— Ах, выздоровление! Пока не начнешь пить и курить.

— Не начну. Мне и раньше нельзя было, да и зачем? Хочу танцевать! Хочу бегать и прыгать! Плавать хочу, у нас речка знаешь какая! Машину водить хочу — мой отец купил! Так что пить и курить — не грозит! Ого-го, чего я теперь натворю!

— Твою бы энергию да в мирных целях. Правильно говорится, что бодливой корове Бог рог не дает. И все это ты врешь, девонька. Первым делом ты сведешь с ума всех кавалеров, которые раньше от тебя бегали, правда?

— Не без этого, Даниловна. Но за твое здоровье буду молиться.

— Ладно-ладно, Рыжик. Ну что, пойдём немного пройдемся. Карлуша разрешил, — обратилась старуха к улыбающейся Алёне.

Они устроились на той же скамейке. Больница, как водится, стояла на отшибе райцентра. И без того нешумный городок сейчас, ближе к вечеру, замирал. Это потом, в темноте, донесутся из далеких дискотек и проезжающих автомобилей грохочущие ритмы. А сейчас, в тишине, только несколько птах цвенькали свои немудреные мелодии. Солнце садилось за лес, разливая по облакам розовый тягучий крем.

— Посмотри на солнце, — предложила вдруг старуха.

— Да, красиво. Такое большое, доброе...

— Нет, ты посмотри на него подольше. Попей его.

— Попить?! — удивилась девушка, но тут же замолчала.

Она почувствовала, как по телу разливается теплая сила. И начала, действительно, «пить»

глазами лучи вечернего солнца. Поначалу мелкими глоточками, пуская в себя через сетчатку мелкие порции энергии. Затем, осмелев, начала делать все большие и большие глотки.

— Ну будет, будет на первый раз, — улыбалась Даниловна, загородив девушке солнце своей мозолистой ладонью. — Нельзя же так. Знаешь, что бывает, когда с непривычки объедаешься?

— Понос, — с детской непосредственностью ответила Алёна.

— Вот именно, — рассмеялась старая целительница. — А какой от этого «понос», мне неизвестно. Но лучше и не рисковать, правда?

— Правда. А что это такое? — тут же заинтересовалась девушка.

— Ты лечила или, как ты раньше говорила, «жалела» своих соседок, правда? И как это было? Рассказывай, а я тебе потом отвечу.

— Когда я пришла, мне их так стало жалко, — начала девушка.

Старуха, закрыв глаза, словно наяву представляла происшедшее.

Сев напротив Лисички, Алёна решила погладить ее привычным жестом, но испугалась, что разбудит. Остановив руки у лица спящей, она решила представить, что гладит. Руки будто сами потянулись к вискам.

— Потом как туман, светящийся возле них, появился, — продолжала девушка. Она рассказала, как почувствовала боль, когда этот «туман» прикоснулся к голове Светланы.

— Как током ударило.

— Тебя что, раньше било током?

— Да, в детстве. Отец розетку менял, провода оставил, а сам пошел не помню за чем. Ну я, конечно, и полюбопытствовала.

— Хорошо, продолжай, внучечка.

Алёна рассказала о том, что перетерпела боль, как она начала утихать, а потом и свечение пропало. И она уже знала, что вылечила Светлану, и на радостях тут же перебралась к Сурченку.

— К кому?

— Ну к Тамаре, — сконфузилась девушка.

— Похожа. Продолжай.

Со второй больной так быстро и просто не получилось. Боль была сильнее, а главное, начала кружиться голова. Алёна заставила себя собраться и вдруг увидела голову спящей «как бы насквозь». Точнее, как какую-то светящуюся картину. Вот, здоровые клеточки светились весело, розовым светом, больные — жалобным, голубеньким. А еще были черные разрывы, ну как в сети рыбацкой дыры, когда большая рыба или бобер какой порвет. Вот эти больные клетки, когда она их своим светом гладила, отдавали боль и становились тоже

розовыми. А сложнее всего было эти дыры залатать.

— Их, оказывается, надо не как сетку, а как носок латать. Лучик на лучик, лучик на лучик аккуратноенько. Оно больно, больно, потом — р-раз, — и готово. И прорехи нет, и все розовым светится. А потом чуть до своей кровати дошла, упала и уснула. Тетя Мария меня разбудила, а я встать не могла. Она позвала врача, этого, вашего Карлушу, а он и на нее и на меня наругался. Вот и все, — вздохнула Алёна.

— А как ты себя сейчас чувствуешь?

— Хорошо. Правда, очень хорошо.

— Тогда пошли, внучечка.

— Вы обещали рассказать...

— Все, все расскажу. После отбоя. А пока тебя еще наш Карлуша посмотрит.

Карапет действительно еще раз осмотрел девушку: проверил давление, пульс, заглянул в глаза, послушал сердце, попросил присесть. Вновь проделал те же процедуры.

— Приходится верить, — вздохнул он.

Предписав хорошенько ночью отоспаться, доктор пожелал спокойной ночи и вновь вернулся в ординаторскую. А после отхода больных ко сну поднялся на этаж выше — к дежурившему во взрослом, известном нам отделении, пожилому врачу.

— Посоветоваться хочу. Чего-то я не понимаю, Сергей Витальевич, — отрывисто произнес он после взаимных приветствий. — Вот, девчонка у меня, — начал он, протянув ему историю болезни.

— А, эта, с которой наша знаменитость Даниловна столкнулась, — заглянул в записи пожилой. — Как же, как же, слышан. Сегодня просила у Андрея разрешения побывать на операции.

— Какие там операции! Вечером серьезнейший упадок сил. Вот записи. Пульс, температура, давление. Прокапали... По настойчивой просьбе Даниловны после этого разрешил прогулку. И вот что получилось. Как по-вашему это понимать? И как относиться?

— Наша Ростова уже было совсем ласты склеила. Сдалась. Сама понимала, чем больна. В онкологическое категорически отказалась. Так, поддерживающие процедуры. Потом вот такой всплеск, вот такая за два дня динамика, — Сергей Витальевич показал историю болезни Даниловны. — А теперь оказывается, что они вот так друг на друга положительно влияют?

— Сдается мне, не только друг на друга. Что-то соседки ее были какие-то необычно оживленные, — припомнил Карапет.

— Насколько я знаю Даниловну, сейчас они

вместе в одной из палат. Давайте тихонько проверим, а?

Они крадучись мимо спящей медсестры, подошли к палате подопечных Андрея и посмотрели сквозь стекло. Комната освещалась каким-то странным свечением. Из освещенного коридора рассмотреть что-либо более подробно было сложно, и Карл Петрович уже потянулся к ручке двери, но старший товарищ перехватил его руку и, приложив палец к губам, потянул его назад в ординаторскую.

— Что это значит? — резко возмутился детский врач.

— Это значит... Боюсь сглазить... Это значит, что у нас начинаются чудеса. Нашла-таки Даниловна. Дожила. Вы просто здесь не так давно, не в курсе. Точнее, не совсем в курсе. Даниловна — знаменитая на всю страну костоправ и травник, хотя и в прошлом. Но у нее еще была и дочь. Та была целительницей. Волшебницей, если хотите. Излечивала все.

— Ну, положим, все вылечить невозможно, — вдруг напрягся Карл.

— Я оговорился. Не излечивала. Исцеляла. Констатируем врожденные травмы, какие там травмы — врожденное отсутствие чего-либо. Отвозят ребенка к ней, через недельку — получите здоровенького.

— А... со зрением, к примеру?

— Это она запросто. Слепых, глухих, хромых, всяких на нервной почве. Вот там, если руку, ногу оторвало, — не знаю, уверять не могу. Ходили разговоры, но... это уже фантастика.

— И что с ней?

— Какая-то очень темная и неприятная история. Пропала. Даниловна клялась, божилась, что дочь в пожаре сгорела. Дом у них в лесу был, лесным пожаром и прихватило. Но никаких следов не нашли. Ни косточки. Подозревали, что подалась на заработки.

— Ну, с такими способностями чего скрывать-то?

— Не было у нее медицинского образования. Да и среднего, по-моему, не было. Поэтому по тем временам за такое лечение загреметь можно было надолго. Кроме того, — понизил голос рассказчик, — она лечила не только деток. О-о-очень известные люди к ней приезжали. А после ее лечения еще один эффект проявлялся — лет по двадцать со счетов списывалось. То есть была она еще и носителем некоторых государственных секретов, и не заперли ее в какой-нибудь золоченой клетке только потому, что она заявляла: «Могу только здесь, в этом лесу. Уйду отсюда — вся эта сила пропадет». Приходилось мириться. Для того чтобы никто из

врагов ей вреда не учинил, организовали охрану. Но что охрана, когда огонь стеной шел. В общем, не стало ее. Были там еще какие-то странности, но не знаю, не знаю... А Даниловна с тех пор сдавать начала. И вот теперь, видите — воспрянула. Нашла, значит, преемницу. Вот сейчас та и творит чудеса. Уже кого-то исцеляет. На той койке, где светилось, лежит... та-а-ак... что же, давайте завтра вместе посмотрим. И у вас она уже кого-то исцелила. Или обеих.

— С чего вы взяли?

— Говорили, что та, ее почти также — Алесей — звали, после своих... сеансов никакая была. Отлеживалась. И у этой вы упадок сил зафиксировали.

— Можно, я закурю, — поинтересовался вдруг педиатр и потянулся к сигаретам Сергея Витальевича.

— Вы же не курите! — всплеснул руками коллега. — Да и не волнуйтесь вы так, все будет хорошо. Даниловна никогда никому зла не причинила и сейчас не допустит.

— Спасибо. Чтобы у вас не надымить, я покурю на лестнице. И вообще, к себе пора.

— Ну, спокойного дежурства. Что особенное увидите, шум не поднимайте, лучше мне сообщите.

— Договорились.

Карапет, нервно, большими затяжками

перекурив на пожарной лестнице, вернулся в свое отделение и заглянул в палату новой кудесницы. Две девушки крепко спали, кровать Алёны была пуста.

Дежурный вернулся в ординаторскую и, ожидая возвращения пациентки, стал вчитываться в истории болезней ее соседок. Затем, подойдя к окну, он долго смотрел на луну и звезды.

— Дай-то Бог, — прошептал он и, когда в коридоре раздались осторожные шаги, не вышел из кабинета.

Утром все-таки пошел, пошел шепоток, что Даниловна опять взялась «за свое». Даже не столько «за свое», сколько за «дочкино». Излечила или еще излечивает всех в своей палате и мимоходом — трех «припадочных» в детской. Оба врача остались на утренний обход — посмотреть, что получилось.

Ведущая палаты девчат Вера Ивановна нашла всех девочек в добром здравии. Запомнившая дочкины привычки Даниловна ночью, после сеанса, подвела Алёну к луне и научила ее пить лунный свет так же, как до этого лучи заходящего солнца. Они потом долго шептались, и девушка набиралась сил. Поэтому обход юная целительница встретила бодрой, лишь слегка невыспавшейся. Но к этому ей было не привыкать.

Палату «старухи Ростовской» вел и сегодня

проводил осмотр заведующий отделением. Как и ветеран Сергей Витальевич, он был знатоком своего дела. Внимательно выслушав мнение больных о своем самочувствии, он поначалу настороженно воспринял их радостное, какое-то предпраздничное настроение, затем, после измерения пульса, давления и прочего, тоже заулыбался.

— Ну молодцы, девчата, молодцы.

В ординаторской старый врач предложил заведующему пока отложить направление на операцию Сергеенко, повторно сделать ей томографию и вообще всех их направить на повторное обследование. В ответ на удивленный взгляд заведующего он кратко рассказал о случившемся.

— Вы же понимаете, с кем это согласовано. Все показания есть. Там не так просто было добиться. Очередь... Что, я главврачу эту притчу расскажу?

— Я расскажу, если хотите.

— Нет уж, увольте. Лучше вот что... Сейчас, немедленно отправить Сергеенко на повторную томографию. Если будет надо — на резонансную. Договоримся. Но без отмены. Пока. Если что, э-э-э, изменилось — пусть разбираются у себя. У Китченко что прежде всего можно проверить? Сахар и давление. Займитесь. Пусть по сахару сделают экспресс-анализ. Потом будем думать

дальше.

Вера Сергеевна тоже осталась довольна состоянием девочек. Правда, то временное ухудшение у новой пациентки несколько насторожило ее, но затем, по записям дежурного, все показатели улучшились, стабилизировались и сейчас были только немного ниже нормы. С утра, со сна, бывает.

— Я бы хотел поговорить с вами, — начал Карл Петрович. — Эта девочка... видимо, обладает некими... необычными возможностями. Вот и вчера они с Даниловной...

— Старуха давно ищет себе последовательницу. Дай Бог, чтобы нашла. Но не преувеличивайте. Она замечательный костоправ, по позвонкам и дискам была просто уникам. В отличие от Касьяна вставляла диски аккуратно, без тряски и дерганий. Если передаст девочке свои способности, нашим радикулитчикам очень повезет.

— Нет, Вера Сергеевна, есть подозрения, что она... они вылечили или пытались вылечить соседок по палате.

— Это не ее специализация. Да и сами знаете, как излечивается такое заболевание. Хотя вид у них сегодня торжествующий. Хорошо, посмотрим. Как часты у них приступы?

— Ночью и сегодня утром не было.

— Это не показатель. Подождем. Пока

лечение — прежнее. И еще вот что. Лаборатория чудит. До сих пор анализа крови не сделали. Проследите лично.

Так что первый опыт Алёны не вызвал ажиотажа. После она кинулась было на помощь санитаркам, но те испуганно зашикали и замахали руками. Карапет чуть ли не за руку сводил ее на уже становившуюся традиционной процедуру — анализ крови, а после завтрака девушка побывала на приеме у таких врачей, как окулист, стоматолог и других.

Затем они с Даниловной сидели на излюбленной ими лавочке, и девушка осторожно, совсем маленькими порциями пила дневные, более яркие и более насыщенные лучи солнца.

— Ах, как хорошо! Спасибо, что научили! Это что, я теперь могу вообще не есть?

— Думаю, есть придется. Все-таки тебе еще расти надо. Поправляться. Вон худоба какая. На одном солнышке долго не протянешь.

— Скажите, а ваша дочка тоже вот так могла?

— Могла. Но не сразу. Она уже постарше тебя была, когда все проявилось, — Ростова замолчала.

Было видно, что ей тяжело вспоминать о дочери.

— Мамочка! — вдруг прервала молчание Алёна и бросилась к началу аллейки, где появились фигуры матери и обоих братцев.

Глава 4

— У тебя мать очень хорошая. Добрая. Я наблюдала. Только какая-то... несчастная она. Тень на ней нехорошая. Ты бы берегла ее. Смотрела за ней больше. А как отец?

— Он добрый. Пока не выпьет.

— И сильно пьет? Ну ничего. Ты сможешь вылечить.

— Правда?!

— Да, доча моя лечила. А сегодня, если ты не против, мы с тобой пройдемся в соседнюю палату. Там...

— Нет! — перебила ее девушка. — Нет!

— Ты устала? Или...

— Никаких соседних палат. Никого, Даниловна, пока не... помогу вам.

— Поздно мне уже. Да и жизнь моя прожита.

— А кто мне обещал помогать? Меня учить? Все. Ложитесь. Только подсказывайте, если что.

— Здесь я не подсказчик. Дочка говорила, что сама видит. И отсекает понемногу.

— Хорошо, я попробую. А соседки не проснутся?

— Сейчас, — старуха подошла к каждой из спящих и вернулась.

— Все. До утра будут спать крепким сном.

Это я еще умею.

Алёна протянула над старухой руки. У влюбленной в лес девушки увиденное ассоциировалось с большой черной паутиной с многоногим пауком в центре. Паутина была ядовитой и обжигала при каждом прикосновении.

«Отсекала понемногу», — вспомнила она и взялась за дело. Женщины терпеливее переносят боль, и Алёна не стонала, не всхлипывала, только слезы текли из закрытых глаз. Когда где-то через час девушка изнемогла и волшебное сияние ее рук погасло, старуха подвела ее к окну, к лунным лучам.

— Бедненькая, изводишься. Может, перестанешь, внучечка?

— Нет, Даниловна. Я взялась, я закончу. Я смогу. Вот, попью только — и девушка впитывала серебряный свет. — А вы пока расскажите, что вы про себя тогда начинали.

Так они и провели ночь. Алёна терзала раковую паутину, а в перерывах старая Ростова рассказывала о своей удивительной жизни. А в ней было много чего...

— Завтра придется еще... Не могу... — прекратила ближе к утру лечение девушка.

— Конечно, милая, конечно. Пойдем, проведу. И лежи, отдыхай. Я скажу, чтобы не тревожили.

Вновь проводивший обход Карлуша

выслушал утром просьбу Даниловны благосклонно.

— Опять ночью «ведьмарствовали»? — пошутил он.

— Я думаю, что этих двух соседок можете выписывать. Больше они к вам не попадут. Разве что в роддом. Вот такое «ведьмарство».

— Ну хорошо. Что она может? — решил врач.

— Все! То есть исцелять — практически все. Вот и у нас в палате, думаю, начнется. Уже сегодня начнется. Так что, если интересуетесь, поднимитесь.

— Есть разговор, Даниловна.

— Личный? До послезавтра девушка занята.

— Но поговорить-то можно?

— Давай тогда со мной, — предложила старуха, и они зашли в ординаторскую.

Когда Алёна проснулась, солнечные лучи вовсю гладили ее лицо и выглядывающие из легкой ночнушки плечи. Рядом сидела старая Ростова. Соседок не было — проходили процедуры.

— Вот что, внученька. Есть для тебя работенка сегодня ночью.

— Знаю.

— Не знаешь. Другая. И не здесь. Ты как себя чувствуешь?

— Нормально. А как же... с вами?

— А! Я подожду. Там ты нужнее.

— Да где же «там»?

— У Карлуши. Ты поднимайся. Перекуси вот. Оставили. И пойдем. На скамейке расскажу.

Зал двухкомнатной квартирки Карлуши был тускло освещен одной из трех ламп трехрожковой люстры. В прихожей хозяин свет не включил.

— Она не переносит яркого света. Больно, — шепотом произнес он.

Алёна, снимая туфли, поежилась. Квартира была наполнена каким-то мрачным отчаяньем. И этот тусклый свет, и запахи неподвижного тела, и сам вдруг осунувшийся врач навевали какие-то мысли о сумерках души.

— Где она? Проводите! — таким же шепотом распорядилась Даниловна.

Алёна не удивлялась такому поведению. Ростова вкратце рассказала, что в автомобильной аварии жена Карла Петровича получила тяжелые травмы, теперь парализована. Кроме того, свет и звуки причиняют ей невыносимую боль. При ясности ума невозможность двигаться и даже говорить мучают ее не меньше, чем физические страдания.

Когда они втроем зашли в спальню, девушка задохнулась от чувства сострадания к несчастной женщине. Подготовленная к посещению, она сидела в кресле, укрытая пледом. Еще красивые черты лица уже начали увядать, как увядает цветок

без света, без влаги, без пчел. Попытавшись что-то сказать, страдальца только замычала и, смутившись, зажмурилась. И словно что-то погасло в комнате — настолько ярким, оказалось, был ее взгляд.

— Бедная вы, бедная, — тотчас кинулась к ней Алёна.

Она взяла лицо женщины в ладони и, плача, стала уговаривать.

— Ну, откройте глаза. Ну, успокойтесь. Я вам помогу. Я вас теперь не оставлю...

— Внучечка, погодь, давай все обсудим, как лучше, — встряла было Даниловна.

— Идите, ах не мешайте, пожалуйста! — нетерпеливо отмахнулась Алёна.

Врач и старуха притихли и наблюдали, как из ладоней девушки на больную потек свет. Он становился все ярче и ярче. Алёна вскоре прекратила свой монолог и только, закрыв глаза и смешно нахмурив лобик, шевелила губами. Ее пациентка, напротив, сидела открыв глаза, в которых отчаяние начинало сменяться изумлением и надеждой. Даниловна потянула такого же изумленного Карлушу на кухню.

— Сейчас ей главное не мешать. Потом, когда ослабнет, перенесем ее к луне сил набираться.

— Кто ослабнет? Лиля?

— Да нет. Волшебница наша. Что же ты

думаешь, это ей просто так?

— Не думаю... Я... ничего не думаю. Кого только здесь не было... Утопающий, знаете, хватается за соломинку. Но вот так, с такими эффектами...

— Подожди, еще не те эффекты будут. Давай угости кофе, что ли. Ночь долгая будет, хлопотная...

Хлопотной оказалась не только ночь. Девушка видела эти пропасти — разрывы в светленьких струнах нервов и в паутинках, из которых, казалось, соткана нежная ткань мозга. Она видела измученные, горящие красным огоньком, словно кричащие о помощи, струнки нервов. «Боль от света и звуков» — вспомнила она. Захлестываемая волнами жалости, Алёна делилась и делилась с женщиной своим светом. И уже падая без сил в первый раз, увидела, что поправила эти расстроенные струнки. Боль должна была утихнуть. Затем заботливые руки отнесли ее на кровать, на которую падали лунные лучи. Придя в себя и набравшись сил, целительница только быстро прошептала Даниловне: «Потом, потом, все потом» — и продолжила свое подвижничество. Около трех часов ночи, когда девушка вновь упала рядом с больной и ее опять отнесли «заряжаться», жертва аварии повернула голову и прошептала:

— Кто она?

— Если бы я знал... Господи, да ты заговорила? — кинулся врач к своей жене.

— Да. И боль отпустила... Да кто она?

— Она тебя поставит на ноги. Ты только не волнуйся.

— Чего теперь уже волноваться, — улыбнулась Лилия. — Хуже не будет. Хоть поговорить могу.

— Как ты себя вообще чувствуешь, любимая? Может, что надо?

— Нет. Смотрите за девочкой. Она все время стонет.

— Такое у нее целительство. Больно ей. Терпит, — объяснила Даниловна.

— Милая, добрая девочка, — улыбнулась Лилия.

— Все-все-все! Потом, потом, потом, — отогнала собеседников от своей пациентки подошедшая Алёна и вновь возвела над ней руки.

К утру оборванные ниточки соединились в один узор и засветились радостным голубым светом. Осталось «всего лишь» соединить струны нервов и нити позвоночника. Девушка видела эти разрывы и уже направила на них лучи своего целительного света. Но давнишние травмы ударили по девушке такой болью, что она невольно закричала и отпрянула.

— Что?! — в один голос вскрикнули

взрослые.

— Нет. Ничего. Просто... — она взглянула в окно, за которым начинал проявляться рассвет.

— Не успели. Я вообще-то так и думала. Моя доченька тоже такие... травмы за одну ночь не успевала... Ну да ничего. За день отдохнешь, а там...

— Нет, нет, нет! Я никуда не уйду, пока... пока...

— Внучечка, родненькая, поверь ты мне. Отдохнешь, потом быстрее получится. И еще — мы же тебя тихонечко сюда привезли. Хватятся в больнице, что будет?

Даниловна взяла ослабевшую девушку и, ласково уговаривая, повела одеваться.

— До свидания. Я вас вылечу. Сегодня ночью вылечу. Простите, что не успела... Но руки уже... И много что еще... А ходить, — это уже завтра... — погружаясь в сон, попрощалась девушка.

Карапет подхватил ее на руки и понес в свой старенький «фольксваген».

— Как вы думаете, Даниловна, она правду говорит?

— Ну, Карлуша, ты же сам видел. И потом, сменишься с дежурства, увидишь. Если она сказала, что руки уже действуют, значит, так и есть.

— Дай Бог, дай Бог, — голос его задрожал. —

Мы же с Лилей моей совсем вдвоем. Ни у нее, ни у меня — никого. После той аварии... За рулем-то я был. По правде, за то, что с ней случилось, я сесть должен был... А она на себя взяла... И я согласился. Досматривать же надо. И так кара — каждый день видеть эти муки. Да я опять о себе. А ей? Каждый день этого ада! Я думал — с ума сойду. Но если бы сломался, что с ней бы было? А я ведь ее люблю, мою Лилию.

— Ты зря беду от людей спрятал.

— Там, где случилось, не прятал. Ну, там и не спрятать было, «ЧП районного масштаба» все-таки. Да, сочувствовали. Но, знаете, какое-то злорадное сочувствие у людей, типа «слава Богу, что не со мной!» И любопытство. Просто праздное любопытство — «как люди выживают в таких условиях?» Неприятно.

В больничном скверике врач вновь взял Алёну на руки и так донес до отделения, потом, упрямо мотнув головой, понес дальше — в палату, на койку.

«Пусть думают, что хотят», — поняла Даниловна.

— Ну, ты все-таки не бравируй. Девочка-то считается больной. А ты куда-то возишь, на руках носишь... И тебе, и ей повредить может.

— Да-да, вы правы. Сегодня у нас кто заступает? Верещагина? Трудный случай...

— Я справлюсь, — пообещала Даниловна. — А ты, давай, утрясай со своими.

Утрясать особо и не пришлось. Ночь прошла спокойно, дежурных санитарку и медсестру никто не тревожил. Обе, приняв по коробке конфет, пообещали молчать о некоторых сегодняшних странностях, если такие и были. «Ничего противозаконного, а тем более криминального», — успокоил их Карапет. Затем, сдавая дежурство, запинаясь, попросил без особой надобности не тревожить Алёну из третьей палаты. На удивленно поднятые брови Верещагиной добавил, что это его личная просьба, но, конечно, если она сочтет необходимым... Не вдаваясь в большие разъяснения, он рванулся домой. Заинтригованная врачиха начала обход именно с этой палаты. Две девочки весело шептались, а та самая Алёна спала сладким сном с улыбкой на губах. Рядом, охраняя этот сон, сидела старуха Ростова. При появлении Верещагиной она встала.

— Здравствуйте, Раиса Васильевна!

— Здравствуй и ты, Даниловна. Что здесь происходит? Почему не на месте?

— Сейчас пойду. Вас дожидалась. Очень прошу девоньку пока не будить.

— А в чем собственно дело? Вот и Кара... и Карл Петрович просил. Что за спящая красавица?

— Вам врать не буду. Конечно, помните, как с

Игорьком-то было? Как он, кстати, сейчас?

— Хорошо, спасибо, — рассеянно ответила врач, собираясь с мыслями. — Ты хочешь сказать, что эта пичужка, как твоя дочь?.. — поняла она.

— Мне кажется... да нет, не кажется, лучше. Видела сегодня.

— И она сегодня Кара... Карлову жену?.. И помогло?

— Не то слово. «Помогло». Но сил много потратила. Пусть отдохнет, а?

— Сказки, Даниловна?

Ростова истово перекрестилась, и тогда врач, пожав плечами, взялась за соседок. Узнав, что приступов последние трое суток не было, она покосилась на спящую девушку.

— А у нас в палате одну жанчинку готовили к операции мозга. Провели повторную томографию — незачем, оказывается. А у второй анализы...

— Даниловна, идите к себе. Обещаю, что часов до одиннадцати... или сколько? Двенадцати? Хорошо... И отдохните сами. Вижу, что надо.

Алёна, действительно, проснулась около полудня. Рядом вновь сидела добровольная опекунша и наставница. Девушка еще не встала, когда в палату впорхнули ее соседки — уже в своей одежде.

— Выписали, — сообщила Лисичка. — Нас никогда долго и не держат. А теперь и вообще. Мы

слышали. Не дурочки. Спасибо тебе, Алёнка, — чмокнула она в щеку свою целительницу. — Не знаю, что и... Вот! Возьми, — она протянула Алёне свой плеер.

— И я... и от меня... — склонная, как и все полненькие девочки, к большей чувствительности, Тома тоже склонилась над Алёной, но разревелась и обслюнявила ее всю.

— У меня... я не знаю... — всхлипывала она. — Вот, возьми, — девушка положила на тумбочку коробку конфет, а потом начала срывать с себя сережки.

— Да вы что, девочки, — окончательно проснулась и подхватила Алёна. — Да не возьму я ничего. Спасибо, но зачем? И нельзя. Нельзя за это. Поверьте, нельзя. Не могу, — мягко отталкивала назад она подарки.

— Но конфеты, конфеты-то хотя бы? — настаивала Тома, все еще всхлипывая.

— Ну за это спасибо. Своих малых угощу.

— Тогда и я. Я тоже завтра же привезу. Или передам с кем-нибудь, — решила Лисичка.

— Не надо, что ты! Ну, счастливо вам!

Затем пришла врач и осмотрела девушку.

— Небольшой упадок сил все еще наблюдается... Так что надо еще полежать. Может, прокапаем?

— Спасибо, Раиса Васильевна, но нам лучше

сейчас на солнышко. Правда, внучечка?

— Ох, Даниловна, раскомандовалась. Смотри, нарвешься на главврача, — улыбнулась докторша.

— Ничего, я его от простатита... Ну да ладно... В общем, мы пошли дышать воздухом.

— Это тебе Карлуша передал. Чтобы силы восстановила, — протянула старуха девушке здоровенную шоколадку, когда они устроились на излюбленной скамейке.

— Спасибо, зачем, — засмущалась девушка.

— Ты это брось, Алёнушка. Ты уже взрослая девушка. Неужели не понимаешь, какие ты сейчас чудеса творишь?

— Чудеса?

— Конечно, чудеса. Их же, этих несчастных, вылечить не могут. А поэтому не смущайся так этим проявлениям благодарности. Когда деньги начнут совать... да и там подумать надо. Задаром ничего не происходит. Вона, как тебя крючит, когда ты лечишь. Я, когда диски вставляла или там, травами, то мзду брала. Даже время затраченное денег стоит. А вот дочка моя была — как ты. Бессребреница.

— Тетя Аня, а что с ней... случилось?

Лицо старой женщины потемнело.

— Пожар. Лесной пожар. И ребятя в лесу. В походе были. Может, сами и подпалили, не знаю. Пожар тогда две деревни сожрал, так буйствовал.

Мы в хате были. Услышали, выбежали к реке. Стоим, смотрим, с домом родным прощаемся. А она, дочечка моя, вдруг напряглась вся, будто что в этом гуле услышала. «Дети там! — говорит. — Не успеют» — и к лесу. Я в нее вцепилась, не пускаю. А она вывернулась, чмокнула меня в щеку: «Простите, мама! Надо!» — и кинулась через лужок к пожару. А потом — прямо в пламя. Вот и все, что я видела... А потом эти бойскауты рассказывали, что когда они уже отчаялись, сбились стайкой на полянке, она появилась возле них. Прямо из пламени появилась. Стала в центре и аж засветилась. И этот свет, как они говорили, туман такой светящийся, их накрыл и огонь близко не подпускал. Потом пожар ушел дальше, и этот туман постепенно растаял. Кто посмелее был, на дочушку мою смотрел, так говорили, что она, как этот туман, тоже растаяла... Та полянка так и сохранилась среди пепелища. Там ребят и нашли потом. Никто не верил, что в таком ужасе уцелеть можно. А от доченьки ничего не нашли... Совсем... Ребята, которые спаслись, каждый год туда ходят, второй день рождения празднуют. И цветы кладут. Доченьке моей. Хотя наши пожарники объясняли все это какими-то «микросмерчами» или «микровихрями», которые пожар вокруг полянки обвели. Но я-то знаю...

— Какая она у вас была молодец! — вытирая

слезы, похвалила Алёна.

— Да... была. Но ты опять плачешь! Да что же это такое?

— Просто... жалко.

— Вот это ты брось. Я смотрю: у тебя глаза вообще на мокром месте? Не пойдет. Если можешь помочь чьему-то горю — помогай, а не реви. Если не можешь, то плачь, не плачь — все едино.

— Но если жалко?

— Ах, внучечка, внучечка, добрая ты душа. Жалей, но не рюмзай. Сейчас время злое, люди злые, слезы для них — признак слабости. А над слабыми в лучшем случае посмеются. Поэтому давай потихоньку от плача отвыкать.

— Хорошо, давайте.

Еще Алёна позвонила домой, сказала, что выздоравливает и что скоро приедет. Мать отвечала односложно, и у девушки испортилось настроение. Отец «загусарил», — поняла она. Это была незаживающая, постоянно кровоточащая рана их семьи. Отец: тракторист, бригадир, главный инженер, бригадир, тракторист. Водка загубила и эту некогда светлую голову. Или не водка? Или было что-то иное, из-за чего началось пьянство? Девушка тяжело вздохнула. Вспомнила, как прятались они с мамой от разбушевавшегося родителя. Как тихонько плакала мать и прощала, прощала, прощала. Потом, с появлением братиков,

отец поутих, не буянил, но напивался регулярно и крепко. Вот, видимо, и сейчас. Думать об этом не хотелось. Но пришлось.

На следующий день, когда юная целительница блаженно отсыпалась после хорошо сделанной работы, к ней приехали. Изменившийся в лице Карлуша растормошил девушку.

— Там к тебе... из милиции. Не знаю зачем. Но если об этих ночах пронюхали... Ты молчи. А то за такое нарушение режима...

— Хорошо, я не буду говорить. А если спросят?

— Скажи, что не помнишь, где была. Что гуляла. Такое бывает...

«Нет, он все-таки трусливый какой-то, — подумала девушка, глядя на суетящегося врача. — Сегодня она вернула к жизни, к нормальной жизни его жену, а он: пронюхали... нарушение режима... ты молчи... Наверное, и тогда сказал, что Лилия была за рулем не потому, что не с кем было ее оставить, а из-за той же трусости... Предатель!»

В освобожденной ординаторской сидел какой-то серый потрепанный милиционер с погонами капитана.

— Вот, Алёна... поручили мне тебя допросить, — начал он, доставая какие-то бумаги.

— Да, пожалуйста, а о чем? — насторожилась девушка.

— Ну, вообще, как поживаешь. Как здоровье, кстати?

— Нормально, спасибо. Думаю, что скоро выпишут. Домой надо.

— Да, домой надо... Это ты права. Не буду... Неприятности у тебя дома.

— Что? С братиками что? — подхватила девушка. — С мамой?

— С отцом.

Девушка опять села. Перевела дух. Вдруг перекрестилась.

— А что с ним? — спросила она через некоторое время.

— А ты ведь за него не так переживаешь, как за братиков, а? — наклонился через стол капитан.

— Но что с ним? — повторила девушка, отмахиваясь от пронизательного вопроса.

— В большие неприятности влез. Понимаешь, в очень большие. Пока не могу сказать большего. Давай все-таки побеседуем. Ну, поручено мне.

Уже с более спокойным настроением девушка однозначно отвечала на стандартные вопросы о школе, о семье, об отце.

— Теперь распишись. Молодец, девочка. Это между нами. Так и должно быть. Ни единого плохого слова об отце!

— Но так и должно быть!

— Должно, — тяжело вздохнул мент, уже

подписывая протокол. — Вон мои оболдуевы... — он опять тяжело вздохнул, затем позвал настороженно подобравшуюся старшую медсестру.

— Вы так и не сказали...

— Да. Крепись, девочка. Это серьезно. В общем... Он подозревается... В общем, вчера на тракторе... Пьяный... Въехал в ваших и студентов.

— И... — побледнела Алёна.

— Трое сразу. Двое ваших и один студент. Он девушку успел отбросить. И еще один потом. В больнице... Ну вот, я же предполагал, — услышала еще Алёна, погружаясь во тьму...

Глава 5

Областной суд размещался в здании, ранее занимаемом обкомом. В коридорах почти буквально ощущалась враждебность всего окружающего к людям. Начиная с мрачного милиционера, проверяющего документы, и заканчивая неудобными скамейками для ожидающих. Найдя номер зала, Алёна с матерью прошмыгнули в дверь и забились в самый дальний уголок, на самую дальнюю скамейку. Девушка посмотрела на высокие, похожие на троны кресла судей, затем на огромную мрачную клетку со скамьей обвиняемого (здесь особенно гадать не приходилось, да и не из джунглей они приехали), на

маленькие столики справа и слева от судебного помоста и поежилась. Чем-то жутким, неумолимо жестоким веяло в этом зале. Как... как на эшафоте. Все уже давно решено, а сейчас здесь — публичная казнь. Для всех этих кровожадных потерпевших. Алёна тяжело вздохнула. Конечно, им больно. Но разве человеческая кровь — лучшее лекарство?

— Твоих бы так! — кинула ей мать одноклассницы.

Другие люди стали заходить в зал гораздо позже — приехали на более позднем автобусе. Так и думала несчастная жена подсудимого, намеренно пытаясь разминуться с односельчанами, ставшими беспощадными врагами. Враждебно поглядывая на «родственничков убийцы», потерпевшие и группа их поддержки начали рассаживаться ближе к месту действия, поэтому Алёна смогла укрыться от посторонних глаз за чьей-то спиной. Затем ввели отца. Туда, в клетку. Сняли наручники. Он сел, обвел почти мертвым взглядом зал. И ранее склонный к седине, теперь стал совсем белым. Щеки настолько впали, что, казалось, вот-вот порвутся. Огромные круги под глазами. Сейчас, когда он опустил голову и потупил взгляд, его бледное лицо казалось мумией. И сидел он тихо, не шевелясь, как какая-то кукла.

Судьи не очень впечатлили Алёну. Видела по телевизору. Не понравился седой с помятым лицом

защитник. Не понравилась и прокурорша — большая женщина с большими звездами на погонах и с очень мрачным взглядом. Но больше всего не понравилась судья. Мантия не могла скрыть ее грузности. Свисали щеки и второй подбородок. Видимо, она только что поднималась по лестнице, поэтому тяжело дышала. Алёна с удивлением рассматривала этого вершителя людских судеб. Потом началась процедура представлений, разъяснений, проверки свидетелей, во время которой матери предложили выйти из зала.

— Но это мой муж! — возмутилась Алёнина мать.

— Мария Ивановна, вы вызывались в качестве свидетеля, поэтому должны пока выйти, — терпеливо разъясняла судья. — Допросим, будете присутствовать.

— Никуда не пойду! Я должна знать! — повысила голос свидетельница.

— Защитник, это ваш свидетель. Объясните ей вы, или суд найдет управу.

Адвокат сорвался со своего места — от столика возле клетки — и кинулся в проход. Но у матери и так прошел пыл.

— Сиди, доча. Потом расскажешь, — шепнула она и пошла к выходу. Остановившись напротив судьи, извинилась: «муж ведь», затем вышла. Процесс продолжался. Прочитала

обвинение прокурорша. Алёна узнала — то, что случилось с отцом, называется «убийство двух и более лиц из хулиганских побуждений». Рассказала, кто что видел и что рассказал на следствии, что у подсудимого была тяжелейшая степень опьянения, что он после всего уехал, «скрылся с места происшествия», и нашли его по следам в стогу сена возле злополучного трактора. Что отец Алёны виновным себя признал и показал, что «по пьянке хотел попугать ребят».

— Подсудимый, встаньте. Вы признаете себя виновным? — равнодушно спросила судья.

— Нет, не признаю.

Председательствующая восприняла это, как пощечину. Мелко затряслись жирные щеки, поднимаясь из-под мантии, начала расползаться по шее и лицу краска.

— Но вы... э... Геннадий Сергеевич, признавали себя виновным?

— Да. Сейчас не признаю.

— Садитесь! Мнение обвинения о порядке исследования доказательств? Тишина в зале! — это уже в ответ на ропот потерпевших.

Первым допросили отца. Тот, явно волнуясь, повернулся к потерпевшим.

— Я отвечу. Я все равно отвечу. Перед законом. Но перед Богом и вами я не виноват! Не я был за рулем. Не я!

— Подсудимый, давайте показания суду, — прервала судья.

— Извините. В тот день я, действительно, выпил. Даже, точнее, напился. Бывает. Вот и решил отоспаться. Вечер уже. Думаю, завалюсь спать, а утром прямо отсюда — и вперед. Я и раньше так делал... Лег, уснул. А потом меня выволокли, избили, в милицию. А что я понимал тогда?

— Задавайте вопросы, прокурор, — подсказала судья.

— Сейчас. Высокий суд! — собиралась с мыслями и переворачивала страницы в своей папке женщина в погонах. Затем начала «потрошение».

— Вы признавали свою вину на всем протяжении следствия. Допускаю, что первые допросы проводились с вами... не совсем вовремя. Но потом?

— Когда я отказался, а это было 23 августа, меня неделю не допрашивали. Пока я вновь не стал говорить, как прежде. Но следователь каждый день ко мне ходил. Зачем, если протоколов нет?

— Вы мне вопросы не задавайте, а отвечайте на мой.

— То, что со мной делали, называется пыткой.

— Подсудимый, мы это проверим, и если не подтвердится...

— Вы, госпожа прокурор, мне не угрожайте. О том, что мне уже сейчас светит, мне разъяснили.

Еще больше не напугаете.

— Высокий суд! — окрысилась сторона обвинения, — прошу оградить меня от таких инсинуаций. Все видели, что я не запугивала подсудимого, а разъясняла возможные последствия заведомо ложного доноса.

— Замечание принимается. Подсудимый, только по существу и без пространных комментариев. Допрашивайте дальше, прокурор.

— По какому поводу вы напились?

— Ну... уборочная.

— Праздник труда и урожая?

— Отказываюсь отвечать.

— Хорошо, зададим вопрос по-другому. За какие деньги вы так набрались?

— Чтобы набраться, больших денег не надо. Не коньяк, поди, пьем.

Насмешливый тон вопросов, какая-то постоянная издевательская ирония типа «плети-плети, уж мы-то знаем, не впервой» начинали злить отца.

— По заключению экспертизы, вы так набрались, что на ногах не могли стоять. Где вы купили спиртное и сколько?

— Не помню. Но если я не мог стоять на ногах, то как я ехал?

— Таких мастеров — хоть пруд пруди... Но он опять задает мне вопросы! — спохватилась

прокурорша.

— Второе предупреждение, подсудимый. Еще одно — и удалю из зала.

— Наглец! А вы еще цацкаетесь с ним, — подала голос мать одного из погибших. — На коленях пощады молить надо! А ты! Эх! Животное! — она села и разрыдалась.

— Потерпевшие! При всем сочувствии к вашему горю, обязана предупредить — будете нарушать порядок, придется удалить и вас.

— Все-таки вы можете прямо назвать лиц, вас... пытавших?

— Следователь сам рук не марал, нет. Но приходил с двумя костоломами, которые и старались. А потом они и сами приходиться начали. Я думаю, все входящие регистрируются? Это я не у вас, это чисто риторический вопрос, — быстро спохватился Геннадий.

— Фиксируются, фиксируются. Поскольку вы не первый... Высокий суд! — поднялась прокурорша. — В связи с распространенностью вот таких заявлений, мною заранее были истребованы сведения о посещении подсудимого в изоляторе. Вот. Прошу обозреть и приобщить к делу.

— Та-а-ак. А вас, подсудимый, никто в изоляторе и не посещал, кроме следователя и адвоката.

— Как же так? Они что, тоже заодно? Одна

система. А, и вы тоже. Делайте, что хотите! — вдруг обреченно махнул он рукой.

Это был жест такого отчаяния, такой одинокой тоски, что Алёна не выдержала.

— Не он это! — подхватила она. — Не он! Вы же видите, он сейчас правду говорит! Почему вы все ему не верите? И вы! — она повернулась к потерпевшим. — Вы же его знаете. Да? Он врал? Он хоть раз кому соврал? Если бы это он... а так, за что?

— Выведите эту истеричку. Пристав, почему малолетние в зале? — отреагировала председательствующая.

— Вы... вы просто... сухостой. Внутри уже мертвая. А вы, вы, — упираясь, продолжала обличать Алёна участников действия. — Вам говорят, что били, а вы смеетесь! А сами боитесь! По глазам вижу — боитесь. А делаете!

Проявив недюжинную силу, она вдруг вырвалась и, уже обернувшись в дверях, спохватилась:

— Папка, я люблю тебя. Мы все любим тебя! Ты только держись, папка!

Остальной процесс Алёна прождала под дверью. Вызывали мать. Потом ее вывели «на воздух» и вызвали врача.

— Меня сейчас отвезут, доченька, а ты дождись.

— Мамочка, надо же тебе помогать. Я с тобой! Давай быстренько, я потом еще успею.

— Зря мы с тобой ее рассердили, теперь еще передачу и свидание не разрешит, — переживала бедная женщина уже в скорой.

— Все будет хорошо, мамочка. Все разрешат. Ты спокойно лежи. Дяденька доктор, надо скорее, ей плохо. Или дайте я.

— Девочка, сиди и не мешай! — что-то вколол врач матери.

— Дочечка... если что... смотри за братиками... Особенно за Виталиком. Шебутной... — слабо улыбнулась мать. — Где деньги — знаешь. На папку не надейся... Не выпустят. Злые они... Правильно говорят — оборотни. Нет... защитник добрый. Боится... А эти — в погонах и судыха... злые. Еще такое спрашивать...

— Что, мамочка, что?

Женщина начала заметно бледнеть и покрываться потом.

— Кислород! — закричал врач. — Камфора!

— Не верь! Ни за что не верь! — успела еще сказать несчастная женщина, до того как надели кислородную маску.

Автомобиль резко затормозил, и врачи на всех порах понеслись с больной по коридору.

— Сразу в реанимацию! — раздалась

команда.

Алёна едва успевала за ними. Но одна из дверей перед девушкой захлопнулась.

— Пустите меня к маме! Пустите меня к маме! Мамочка, подожди, я сейчас, — кричала девушка, дергая дверь.

— Девушка, туда посторонним нельзя, — пыталась урезонить ее санитарка приемного покоя.

— Там моя мама! Мне надо быть там. Пустите, да пустите же, ради бога, — рыдала Алёна, вырываясь из рук санитарок и подоспевшего на крики постового дежурного милиционера. — Мне ее спасти надо!

— Девочка, миленькая, нельзя! Никому сейчас нельзя, — уговаривала санитарка бьющуюся в истерике девочку.

— Гражданка, прекратите хулиганить, иначе доставлю куда следует!

Не надо было говорить этого служаке. Но привыкшие к чужим бедам сердца быстро черствеют. Не все, но многие. Извинением стражу порядка стала лишь ужасающая боль, молнией пронзившая его насквозь — от лысеющего затылка под фуражкой до пяток в сапогах. Он упал немедленно и беззвучно. Санитарки, взвизгнув от меньшей, но ощутимой боли в руках («Словно кипятком обварили», — рассказывала впоследствии одна из них), отпрыгнули в разные стороны.

Вылетели запоры двери, и Алёна вихрем влетела в запретную зону — пустынный длинный коридор реанимации. Врываясь во все двери, пугая больных и медперсонал, она металась в поисках главного помещения, куда повезли мать. Пришлось еще раз ударить болью по рукам здорового мужика-реаниматора. Но добралась.

— Еще разряд! — первым делом услышала она крик, затем увидела, как выгнулось худенькое тельце матери.

— Еще разряд! Мы ее теряем! Ну! — кричал мужчина, своей огромностью и внешней свирепостью похожий на боксера Валуева.

И вновь бедная мамочка от удара тока изогнулась и, как показалось девушке, застонала. Нет. Это был стон этого гиганта.

— Все, — простонал он, снимая повязку. — Не свершилось.

Он сел напротив лица Алёниной матери и, рассматривая ее, укоризненно спросил:

— Куда ты торопилась, жанчинка? Жить и жить бы еще.

А лицо у мамы было такое измученное, такое несчастное и беззащитное, что девушка разрыдалась в голос.

— Не торопилась она. Поторопили.

— Кто пустил? — загремел, было, великан. Затем вяло взмахнул своей лапищей. — Впрочем,

теперь все равно. Поторопили, говоришь? У нее сердце столетней старушки. Мамка твоя? Беречь надо было.

— Я... я... — захлебывалась слезами девушка.

— Что ты — верю. Видно. А другие? Ладно. Положено везти в морг. Но ты посиди пока. Туда уж точно не пустят.

Он выгнал из палаты угрюмых ассистентов, вышел сам, и было слышно, как рыкнул на Алёниных преследователей.

Прижавшись щекой к маминому лицу, девушка впитывала уходящее тепло. Затем, на что-то решившись, попыталась сконцентрировать все свое умение. Это был не луч, не туман и не волна. Слепящая вспышка солнечного протуберанца передалась от дочери к матери. И материнское сердце отозвалось на зов. Встрепенулось, ударило, но затем мелко задрожало и вновь затихло.

— Мамочка, миленькая, добренькая, любименькая, хорошенькая моя, зачем же ты так? Не уходи, родненькая. Пожалей. Как же я... Нет, как же ты? — шептала, уже не вытирая слез, девушка, поняв, что «не свершилось». — Я же тебе всегда помогала, мамуся, этот врач не прав. Мы же... — ни говорить, ни шептать она уже не могла, только перебирала губами.

К удивлению, вспомнилось, что не видела она мать отдыхающей. Нет, когда-то им выделили путевку и все вместе съездили на курорт. Тогда еще братиков не было. А когда лежала в больнице и отец по установленному обычаю носил ей разные по их меркам вкусности, она их откладывала, будто не хочет, а потом тихонько отдавала им. Бедная. Вон, седая какая. А я ее... А я ей... Хоть обнимала бы почаще. Алёна кинулась к матери и порывисто обняла мертвую, осыпая мягкую кожу поцелуями.

— Какие у тебя волосы мягкие, мамуля. И бровки. И реснички. Как у девочки. Вот морщинки только. Вокруг глаз. Плакала много... «Поторопили».

Она вспомнила ночные ужасы — пьяного отца, гонявшего и мать, и ее, совсем еще маленькую девочку. Вспомнила, как давилась потом рыданиями мать, стараясь не разбудить и не напугать спящую дочку. Потом все как-то улеглось. Появление братиков принесло в дом спокойствие, но не радость. А крестьянское подворье приносит достаток, если будешь крутиться. И мама крутилась. Безостановочно. И лишь однажды, кажется, на Восьмое марта, выпив со своими «девчатами» на ферме, она не выдержала, разрыдалась.

— Все... все... все, — повторяла она.

— Что, мамулечка «все», — допытывалась,

обнимая ее, Алёнка.

— Все, милая, «все». Да ты не пугайся, дочечка, это я так. Это о своем... Хотя, почему все? Вот, какая красавица растет. И вон, какие обормотики. Надо жить. Для вас жить, правда?

«Поторопили». А вымазанные дегтем ворота после этого ужасного случая? А откровенные плевки в лицо от потерпевших? А выбитые камнями окна? Разве одна Алёна переживала этот ужас? Когда начали травить в классе? Когда устроили бойкот, а учительница, пряча глаза, занудливо объясняла детям, мол, не виновата девочка, что родилась от такого чудовища. И даже Костик, влюбленный в нее с первого класса, пересел за другую парту и стыдливо отворачивался при встречах.

— Не он это! Не мог он этого! — однажды сорвалась и закричала на переменке Алёна.

Промолчали. Только Костик на следующей переменке прошептал: «Ручьем сегодня не ходи». Пошла. Ждали. Избили и ее, и все-таки встрявшего на защиту Костика. А она ничего не могла сделать, потому что зла на них не держала, потому что у них тоже было свое горе.

А мама, мама утешала, гладила вот этими твердыми от мозолей, но такими ласковыми руками. Мазала чем-то синяки и ее, и братиков. И только ночью по-животному выла. А по утрам

вновь вертелась в заботах. Только еще добавилось — на свидания к мужу и от детей отрывать — передачи носить. И сама вон высохла, мамочка. Все для нас, для нас.

— Вот и жила ты для нас... Сколько смогла. Но почему столько? Все эти, — вспомнила она лица судейского действия. — Но мамуля, мне то что теперь делать? Не справлюсь!

То ли случилось, то ли почудилось, но улыбнулась мама Алёнке. Грустно, но улыбнулась. Будто сказала: «Будет трудно, но ты справишься, детонька».

Осторожно вошел добрый великан. Минуту стоял тихо, потом попросил девушку выйти.

— Мне и так из-за тебя нагоняй будет... Все понимаю, но ты там чего-то такого еще натворила. Иди, пожалуйста, во-о-он через ту дверь. Пока хватятся, выйдешь через главный выход, а завтра, когда маму приедете забирать, уже успокоятся. Хорошо?

Он умел уговаривать, этот сурового вида гигант. Алёна кивнула и, оглядываясь на покойную, побрела в указанном направлении.

В скверике она потерянно села на скамейку. Светило солнце, одаривая уже не летним теплом. Желтели листья. Гудели и тренькали трамваи. Ходили люди. Мир был почти тот же. Но уже не тот. В нем не было мамы. Она уже не была рядом,

уже нельзя было ее обнять, спросить совета, просто прислониться к плечу и ощутить родное тепло. Алёна подумала, как редко она это делала, и вновь на глазах появились слезы. Потом вдруг вспомнилось, как мама, экономя на обуви, почти все лето ходила по двору в старых резиновых галошах. А я... а я... Она вспомнила свои упреки насчет одежды и вновь разрыдалась.

— Что за беда, девочка? Может, чем помочь? — присел рядом какой-то выздоравливающий.

— Мама... умерла. Только что... — пытаюсь сдерживаться, ответила девушка.

— Да-а, сочувствую. Могу чем помочь? Хотя, в таком горе...

— Расскажите, где у вас областной суд?

— А тебе зачем? На пальцах особенно не разъяснишь. Ты впервые у нас?

— Там папа. Он не знает еще.

— Позвони. Держи мобилу.

— Нет у него. Да и нельзя там сейчас, наверное, — застеснялась своей отсталости от цивилизации девушка.

— Да, проблемка. Хотя, слушай! Тебя подвезут!

— Нет уж, спасибо! — поднялась Алёна.

При всех переживаниях она помнила рассказы об «отзывчивых» водителях и приключений не

хотела.

— Да чего там «спасибо», раз такое дело, пошли, — решительно встав, потянул за собой девушку незнакомец. — Сейчас мотор поймаем, и он тебя довезет.

Это успокоило девушку. Кроме того, определив добровольного помощника как весьма пожилого, она решила в своей наивности, что «таким меринам уже не до того».

— Вот у девушки беда, быстренько доставь ее к областному суду. Вот, держи. Ну, удачи, Василек.

Милиционер на входе в судилище равнодушно отвел взгляд от зареванной девчухи — не террорист. Возле дверей зала еще сидели два не допрошенных свидетеля, — суд исследовал доказательства всесторонне, а значит, долго. Девушка рывком открыла дверь и вошла. Люди чуют беду, и в зале тотчас воцарилась тишина. Ни на кого не обращая внимания, Алёна подошла к клетке.

— Мамочка умерла. Ты ведь ее тоже убил, а, папка? И вы, — она показала пальцем на судью, и вы — ткнула пальцем в побледневшую прокуроршу. — Что вы у нее такое спросили? Может, теперь я за нее отвечу.

— Прошу оградить! Неслыханно! Не процесс, а балаган! — первой отреагировала женщина в погонах.

— Объявляется перерыв на... пятнадцать минут, — судья с серыми заседателями пенсионного возраста величественно удалились в совещательную комнату.

— Доченька, иди сюда! Как? Почему умерла? — начало доходить до отца.

Он прижался к прутьям решетки.

— Сердце. Довел, — однозначно ответила Алёна, отворачиваясь.

— Дочушка, прости, ради бога! Нет, это у нее просить. Что будет? Где братики? Ты присмотри поначалу за ними. За домом. Немного. Там решим...

— Думаешь теперь выкарабкаться? Отвертеться не удастся, так на женином трупе решил выскользнуть? — оборвала разговор одна из потерпевших — женщина с жутким взглядом.

— Ну все, начинается склока. Конвой, вывести подсудимого, если порядка сохранить не можете, — скомандовав конвою, тихо выскользнула из зала и прокурорша.

— Мама умерла. Умерла мама. Мама умерла, — жалобным тоном скулила несчастная девочка, и притихшие вдруг потерпевшие не останавливали ее до возвращения судей.

Ввели совсем лишнего стержня отца. Вошли судьи.

— Судебное заседание объявляю

продолженным. Имеются ли какие ходатайства?

— Высокий суд! — вскинулась прокурорша. — По имеющимся данным, в семье подсудимого случилась трагедия. Только что умерла его жена. В семье осталась вот эта девочка и двое малолетних сыновей. Ходатайствую об отложении слушания дела и... — было видно, как женщина набирается мужества, — и изменения меры пресечения на подписку о невыезде... Пусть хотя бы похоронит. И с детьми пока решится... — объяснила свою позицию обвинитель.

— Потерпевшие, ваше мнение по заявленному ходатайству?

Мнения разделились. От «пусть похоронит, никуда не денется» одних и «на усмотрение суда» других до «он наших не пожалел, нас не пожалел, чего его нам жалеть» третьих.

Защитник горячо поддержал заявленное ходатайство и поблагодарил государственное обвинение за проявленную человечность.

— Ваше мнение, подсудимый, — обратилась к уже вдовцу толстая судья.

— Пустите. Попрощаться. Прощения попросить, — тихо прошептал Алёнин отец.

— А у нас? — вновь взвыла наиболее агрессивная потерпевшая.

— Я к вам потом приду. Сразу после... Зачем суд? Убьете — и все. И крови попьете. И детей

моих кровушки хотите? — вдруг сорвался он. — Палачи! Не я, не я, не я это! Но хотите моей крови — пейте, — впавший в истерическое буйство, подсудимый вдруг зубами впился в свою руку, одним махом вырвал кусок запястья и протянул брызжущую фонтаном крови руку сквозь решетку.

— Иди сюда, Семеновна! Иди и напейся! Всю, до капли!

Пока конвой скручивал впавшего в истерику отца, а суд «удалился в совещательную комнату», Алёна вышла из зала и побрела куда глаза глядят.

«Мама умерла. Умерла мамочка. А они... А они... — плакала девочка. И братики еще не знают. И она там лежит. Забирать надо. Хоронить. Домой ехать. А как теперь... одной? Может, все же отца выпустят? Нет. Не выпустят, — тяжело вздохнула Алёна. Надо ехать. Надо к маме... за деньгами. Все у нее». Девушка и не заметила, как вновь оказалась в скверике возле больницы. К кому сейчас идти? К главврачу? Или уже в морг? — девушку передернуло.

— О, Василек! Опять здесь? Проблемы?

— Мама умерла. Хоронить надо. Отца не отпускают...

— Постой-постой. Он у тебя там за что?

— За убийство. Трех наших ребят раздавил на тракторе. И одну девушку покалечил...

— А... Как же. Криминальную хронику

почитываем... И что, у тебя никого не осталось там из взрослых?

— Никого, — вздохнула девушка. — А два братика остались, — она уставилась на пчелу, промышляющую в осенних цветах. — Если сейчас надо забрать... деньги мамины, это к кому обращаться?

— Думаю, к главврачу. Но, знаешь, давай по-другому. Сейчас тебя отвезут, помогут, а потом рассчитаемся, а? — не ожидая ответа, он начал набирать кого-то по сотовому.

Уже через какой-то час девушка мчалась на шикарном по ее меркам «джипе» с тремя серьезными, малоразговорчивыми типами. Они сразу не понравились Алёне, но новый знакомый так глянул на них после первой же шуточки, что мужики надели маски неразговорчивой скорби.

— У девушки умерла мать. Отец сейчас на нарах. Других родственников — никого, только братишки малые. Поможете похоронить. Все затраты на мой счет, — инструктировал Север хмурых подчиненных.

— Ну что вы, зачем за ваш счет? У меня есть...

— Что у тебя есть, я догадываюсь. Не будем. Рассчитаемся.

И вновь хмурые улыбки и липкие взгляды странных знакомых.

— Чтобы все чин чинарем. ВСЕ! От начала и до конца. Чтобы комар носа не подточил.

— Не впервой, шеф, сделаем.

И они действительно сделали. Прежде всего, вышли ко вновь собиравшимся односельчанам, моментально вычислили заводил и утянули в сарай «потолковать». После нескольких взвизгиваний те выскочили и рванули по домам. Толпа рассосалась. Не секрет, что в большинстве своем такие толпы состоят из трусливых шакалов, которые и черпают вдохновение в чувстве безнаказанности. Затем все трое гуськом вразвалку двинулись в контору, к представителю местной власти. Вскоре туда же, на ходу застегиваясь, рванулся из дому участковый. А еще через полчаса изрядно выпустивший пар председатель в окружении Алёниных «помощников» появился в хате.

— Беда, конечно, беда, Алёна. Все поможем. Все организуем, все, что положено. Это же на завтра надо готовить, да? Сегодня привезете?

— Ты, отец, давай, запрягай твоих дармоедов. Что, дите само здесь справится? Чтобы через четвертной здесь все кипело. Убрать, помыть, почистить. Машину давай. Сейчас за покойной поедем.

— Да где же у нас? Неожиданно так.

— Мы же уже покалякали. Опять базар начинаем? — искренне удивился заглавный.

— Нет. Я просто... Хорошо.

— А ты смотри, лейтенант. Если еще какая пьяная морда сюда прицарапается под окна права качать, не носить тебе погон. Твой шеф тебе все доходчиво растолковал?

— Ты, дивчина, бери одежду, мы поедем. Там и помогут, и оденут. Привезем чин чинарем, как шеф приказал.

— Что вы! Я поеду. Я сама... Здесь с братиками. У тетки они.

— Лады. Поедешь вон с Васо и Коляном, они там помогут. А я тут здешних подшевеливать буду.

— Ты, мама, не стесняйся. Это же я. Все сделаем, как следует, и помоемся, и оденемся. Сами справимся, правда? — разговаривала девушка, обмывая сухонькое тельце. — Какая же ты у нас... Как же ты исхудала, мамочка! Зачем же ты так себя... — не выдержав, Алёна упала на холодную материнскую грудь и разрыдалась.

Выплакавшись, взяла себя в руки и одела мать в немудреную, но чистую одежду.

— Теперь, мамуля, поедем домой отсюда. Давай-ка, — она наклонилась и подняла легкое родное тельце с каталки.

— Вот так, — обняв покойную, она вынесла ее в прихожую, где уже стоял гроб.

— Ты с ума сошла, девонька! — запричитала санитарка. — Разве можно так!

— Только так и можно. Это моя мама, — уклоняясь от рук пожилой женщины, объяснила Алёна.

Она сама аккуратно уложила покойную в последнее ложе, поправила одежду.

— Теперь поможете? — обратилась она к перекуривавшим молодцам.

— Без базаров! — и вскоре автобусик-катафалк вез Алёну и ее мать в деревню.

Алёна, казалось, окаменела от горя. Словно вне себя, она сутки просидела у гроба, о чем-то шепча, шепча и шепча матери. Ее горе примирило потерпевших с этими осиротевшими детьми. Нет, они не простили, но стали терпимее. Или эти загадочные амбалы-незнакомцы внушили почтение? Но все-таки справедливости ради следует признать, — большинство сочувствовало этому горю. Пришел с цветами Костик. Потянулись и другие одноклассники. Алёна на секунду отвлекалась, кивала головой и опять возвращалась к разговору с мамой. Порой вскакивала, металась в поисках братьев, убедившись, что они под присмотром, возвращалась туда же, к гробу. Даже когда приехал отец, она посмотрела на него странным остекленевшим взглядом.

— Вот, папка, что вышло-то.

— Меня привезли. Только на похороны. Вон, видишь, — кивнул он на конвой.

— Так садись, поговорим, попросимся. Красивая у нас мамка, правда?

Отец только кивнул. Глазами, наполняющимися слезами, он смотрел на ту, кто столько лет... Столько лет... А он... А он!

— Прости, прости, прости... Но это последнее... не я.

— Она знает, папка. Знает.

— Прости... — продолжал теперь уже вдовец. — Не слышишь...

— Она слышит, папка. Слышит. Ты дай мне руку. Так. А теперь разговаривай с ней. Кричи! Она уже далеко. Но еще слышит.

Геннадий послушно закрыл глаза. Потом вздрогнул и замер. И долго сидел не шевелясь, не вытирая уже струйками льющися слезы. Потом резко встал.

— Вот что, дочушка. Ты... слышала... наш... разговор?

— Она с тобой разговаривала.

— Доченька, ничего не поделаешь, остаешься за старшую. Наверное, придется... — он прогнал ком, подкативший к горлу. — Придется в детский дом... Нет у нас близких родных... Но это ненадолго. Ты ведь скоро взрослая. Вернешься. И братиков заберешь назад. А дом все равно за тобой будет...

— Я все сделаю, па, — рассеянно ответила

Алёна, вновь что-то шепча матери.

— Ребята, мне бы, ну, знаете куда. Ну, побудьте здесь. Никуда я отсюда уже... Вот и спасибо.

А потом были крики и суета. И беготня этих конвоиров. И нацарапанная на пачке сигарет записка.

«Прости, дочушка. Пойду за ней. Жить теперь не смогу. Береги братиков».

Похороны Марии решили отложить и хоронить обоих вместе. Воспротивился было поп, но Вован быстро того урезонил. Отца обмывали и одевали уже без Алёны. Та по-прежнему не отходила от гроба матери.

— Вот и папка к тебе, — прошептала только она, когда два гроба уже стояли рядом. — А ты, папка, зачем? А это все мне одной? Зачем? — закричала вдруг она, после чего впала в оцепенение. Но в такое же оцепенение впала, казалось, и вся деревня. Молча, тихо, прошла процессия, также тихо, только земля глухо стучала по крышкам гробов, похоронили. И даже на поминках было тихо. Пили, не напиваясь. Глядя на девушку, на двух нахохлившихся, словно молодые воробушки, братиков, вдруг ужаснулись той травле, которую обрушили на эту семью.

— Прости, Алёна! — прорвался к столу Костик, недопущенный по малолетству на

поминки. — Прости! А то я тоже прямо вот сейчас! — он хватанул было нож, но тут же был скручен взрослыми мужиками.

— Ну что ты, Костюша, — горько улыбнулась девушка. — За что? Ты же единственный, кто...

— Гм... Вот что, девонька. И нас прости. Горе, оно ослепляет. И ожесточает. Ты же знаешь. И мы своих недавно... Вот. Так что... Но помогать будем всем миром. А мамка твоя... Давайте помянем по-людски. Святая была женщина, — высказался, наконец, бригадир о покойной. Прорвало. Заговорили. Заплакали. Начали вспоминать. А Алёна пошла укладывать братиков.

Куда теперь? В детдом? Не пойду! К Даниловне? «Ты если что, сразу ко мне», — вспомнила она, как прощалась со старой знахаркой в больнице. А что? Поселюсь в лесу. Братиков заберу, — думала девушка на следующее утро, возвращаясь с кладбища, куда ходили «будить» покойных. Оставив братиков у той самой дальней родственницы, девушка пошла на свою полянку.

Словно почувствовав разлуку, на полянку начали слетаться, сбегаться и сползаться все, кому Алёна когда-то помогла. Приближались, тыкались носом или клювом или чем еще в ее руки, шею, щеки и спешили по своим делам. Птахи, правда, еще оставались на ветках, но остальное зверье, озабоченное наступающей осенью, долго не

засиживалось.

— Вы тут будьте повнимательнее, меня долго не будет. Помочь будет некому. Поэтому смотрите в оба и не ссорьтесь по пустякам, — напутствовала девушка лесных друзей.

Внезапно остававшиеся зверюшки насторожились, затем бросились во все стороны. Это на поляну вышли те самые угрюмые помощнички, сосватанные Алёне Севером. На этот раз все трое глумливо улыбались.

— Вот ты где. А мы уж подумали, что сбежала неблагодарная девчонка, не хочет расплачиваться за наш труд, — заявил бритый Сазан.

— Ой, что вы, как вы даже подумать такое могли? Конечно, расплачусь. У мамы... да вы что?

Пока она говорила, они подошли вплотную, и черноглазый, схватив ее за руки, натренированным движением загнул их за спину.

— Здесь, а не «у мамы», и рассчитаемся. С нами. С Севером — после. Камеру, Васо.

Васо навел на девушку видеокамеру, а Сазан с видимым удовольствием начал расстегивать пуговички на Алёниной кофточке.

— Но у меня... нет... с собой ничего, — все еще отказывалась поверить в происходящее девушка.

— Гы-гы-гы, — заржали все трое. — Кое-что

есть и это мы сейчас проверим, — ответил бритый, развеяв все сомнения.

— Вы что? Вы зачем? Не прикасайся ко мне. Отпустите! — забилась в крепких руках девушка.

— Ты давай, сопротивляйся. Мы это снимем. Многие педофилы тащатся. Видела в порнушке? Нет? — ерничал Сазан, не спеша раздевая девушку.

Поверив, наконец, в происходящее, Алёна ударила негодя коленом и закричала. По тому, как совсем слегка поморщился Сазан, поняла, что не попала.

— Ну, ты сама выбрала, — тем не менее прорычал он. — Заснял? Все. Клеим рот. Ты держи крепче. А теперь — крупным планом.

Несчастливая девушка успела еще раз пронзительно закричать, пока ее повалили на землю и заклеили пластырем рот. Все трое действовали согласованно, без суеты, видимо, уже по отработанному сценарию.

— Ты бы все-таки успокоилась, детка. Хватит. Все равно от Севера теперь тебе не вырваться. А там, чем покладистей, тем себе же и спокойнее, — уговаривал Сазан, пытаясь стянуть с извивающейся девушки джинсы.

Затем ему удалось прижать ноги Алёны своими коленями, и она поняла, что вот-вот случится самое страшное. И забилась в конвульсиях, похожих на предсмертные.